
МАЛОРОССІЯ

ВЪ ЕЯ

СЛОВЕСНОСТИ.

Малороссія (Южная Русь) въ исторіи ея литературы съ XI по XVIII вѣкъ.
И. Г. Прижова. Воронежъ. 1869.

Оставаясь на точкѣ зрѣнія чисто научной, никто не станетъ отвергать значительнаго участія Малороссіи въ образованіи русской культуры, ни вообще южно-русскихъ попытокъ на литературно-культурное развитіе до XVIII вѣка, когда, подъ влияніемъ перемѣщенія правительственной централизаціи, культурные центры Россіи перешли на сѣверъ, въ Петербургъ и Москву, когда русская культура и литература получила надолго или подражательное или абстрактное европейское направленіе, или если и стала получать національную основу и направленіе, то почти исключительно великорусское. Новѣйшій трудъ г. Прижова представляетъ, несмотря на всю краткость его содержанія, довольно полный указатель въ старой южно-русской литературѣ и къ тому, что о ней было писано (хотя не безъ нѣкоторыхъ, незначительныхъ впрочемъ, промаховъ); вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ даетъ въ сжатомъ очеркѣ довольно удовлетворительную характеристику разныхъ эпохъ и памятниковъ литературной исторіи Южной Руси. Наша литература такъ бѣдна сочиненіями касательно Южной Руси, что уже по этому одному нельзя не обратить вниманія на очеркъ г. Прижова. Но кромѣ того, по поводу этого

очерка, мы считаемъ нелишнимъ представить, конечно, по необходимости сжато и кратко, нѣсколько добавочныхъ соображеній и фактовъ о предметѣ, который, несмотря на его важность, весьма рѣдко обращаетъ на себя вниманіе нашей печати.

Значеніе Малороссій въ русской исторіи и жизни до сихъ поръ еще хорошо не выяснено въ общемъ сознаніи. На нее смотрятъ или какъ на одну изъ незначительныхъ провинцій Россіи, которая ничѣмъ особенно не отличается отъ другихъ, или какъ на край, который если и имѣлъ своеобразную исторію и сохранилъ многія отличія, то эта исторія и эти отличія имѣютъ слишкомъ мѣстный интересъ, какъ, напр., особенности исторіи и быта какаго-нибудь бывшаго казанскаго, или астраханскаго царства. Но весьма рѣдко смотрятъ на Малороссію, какъ на страну, имѣющую оригинальныя особенности и въ тоже время общія всему русскому міру, только своеобразно развитыя черты исторіи и быта,—не будь которыхъ, исторія и даже нынѣшнее состояніе всей Руси было бы далеко не таково, какъ теперь, и которыхъ роль еще далеко не кончена, а которыя напротивъ—призваны играть немаловажную роль въ будущемъ Россіи: ибо Малороссія по своему положенію, этнографіи и исторіи есть переходный членъ отъ Россіи къ юго-западному славянству, а слѣдовательно и вообще къ юго-восточной Европѣ. Въ недавнее время вниманіе общества обратилось на западныя окраины Россіи, въ томъ числѣ и на Малороссію, но это не привело еще пока къ лучшему ея пониманію, а скорѣе даже удалило отъ этого пониманія, потому что въ послѣднее время стали слишкомъ часто объяснять всякаго рода отличія Малороссіи отъ внутренней Россіи польскимъ вліяніемъ. Между тѣмъ, такой взглядъ на половину ложенъ, а на другую, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи прошлаго и настоящаго Малороссіи, вліяніе на нее Польши окажется далеко не исключительно губительнымъ, ибо это вліяніе было проводникомъ европейскаго вліянія вообще, которое шло изъ Польши не только въ Малороссію, но и въ Москву, и здѣсь представляло ячало того культурнаго наплыва Европы на Россію, который особенно проявился въ петровское время, и котораго благодѣтельности для Россіи окончательно отрицать не рѣшаются и самые крайніе славянофилы. Наша Академія наукъ вотъ уже другой годъ задаетъ тему для соисканія преміи: «Объ отношеніяхъ Польши и Россіи», не только политическихъ, но и культурныхъ,—и, безъ сомнѣнія, разъясненіе значенія послѣднихъ было бы особенно желательно, — причемъ не обошлось бы дѣло и безъ разъясненія культурнаго значенія Малороссіи въ русской исторіи, которое сознается вообще слишкомъ мало.

Нельзя сказать, чтобъ объ немъ не было вовсе ничего говорено въ нашей ученой литературѣ, а затѣмъ не говорилось и въ жизни. Но опять нельзя сказать, чтобы объ этомъ было говорено достаточно полно и даже чтобъ вопросъ объ этомъ былъ поставленъ удовлетворительно. Всѣ знаютъ, что просвѣщеніе Руси началось на югѣ, въ Кіевѣ, что здѣсь было раньше распространено христіанство, что здѣсь началась письменность, здѣсь писались лѣтописи, пѣли Боянъ и авторъ «Слова о полку Игоревѣ». Но говоря о такихъ проявленіяхъ умственной жизни въ Южной Руси въ древнее время, мы не представляемъ себѣ эту Русь въ реальныхъ образахъ: мы представляемъ ее только, какъ отвлеченное географическое понятіе, и кромѣ того полагаемъ, что послѣ, съ татарскимъ погромомъ, всѣ эти начала цивилизаціи такъ и пропали безслѣдно. Между тѣмъ, по своимъ чертамъ кіевская Русь Владиміра, Нестора и автора «Слова о полку Игоревѣ» была тоже юго-западная Русь, которая въ слѣдствіе измѣненномъ видѣ жила и живетъ и теперь подъ именемъ Малороссіи, и если въ ней раньше началось развитіе цивилизаціи, то это обстоятельство должно же проявляться и въ нынѣшнемъ состояніи тамошняго народа; если такъ скоро послѣ принятія христіанства кіевская Русь произвела Нестора, Мономаха, «Волинскую лѣтопись», «Слово о полку Игоревѣ», — то долженъ же былъ во всемъ этомъ принять участіе и характеръ народа, населявшего и населяющаго всю эту страну, а не одна только относительная близость къ Византіи и къ юго-западной Европѣ вообще, хотя и она въ свою очередь не могла же не повліять на восприимчивость народа къ цивилизаціи.

Всѣ знаютъ, также, что юго-западная Русь, сначала Острогъ съ Волиньку, а потомъ опять Кіевъ стали еще разъ расадникомъ литературы и образованія для всего русскаго міра, съ половины XVI до половины XVIII вѣка. Всѣ знаютъ имена Константина Острожскаго, Петра Могилы, Дмитрія Ростовскаго, Лазаря Барановича, Теофана Прокоповича и др. Но, во-первыхъ, никто почти не знаетъ, какая связь существуетъ между дѣятельностію этихъ южно-русскихъ людей XVI — XVIII в. и дѣятельностію южно-руссковъ XII — XIII в., что проявленіе этихъ просвѣтителей XVI — XVIII в. было возможно именно вслѣдствіе непрерывности просвѣщенія и сношеній съ образованнымъ міромъ Южной Руси съ древнихъ временъ и до XVIII в. Во-вторыхъ, мало кто знаетъ связь дѣятельности названныхъ замѣчательныхъ лицъ съ народомъ, ихъ родившимъ. И какъ относительную просвѣщенность Южной Руси XII — XIII в. объясняютъ только византійскимъ вліаніемъ, такъ въ литературѣ и образованіи этой

Руси XVI — XVIII в. видятъ только результатъ латинско-польскаго вліянія, признавая въ ней національной стороною только одну защиту православія. Во всей этой литературѣ видятъ одинъ только подражательный, или церковный характеръ, забывая тѣсную связь тогдашней южно-русской школы и церкви съ жизнію, и забывая также, что еслибы все тогдашнее литературное движеніе было только подражательно-наносное, схоластическое, то оно не могло бы породить такихъ русскихъ и такихъ свѣтскихъ общественныхъ дѣятелей, каковъ былъ, напр., Могила въ Южной Руси, Дмитрій Ростовскій и Теофанъ Прокоповичъ въ сѣверной.

Такимъ образомъ, въ культурной исторіи Южной Руси неполно понимаются даже и тѣ стороны ея, которыми она оказала вліяніе на весь русскій міръ, которыя принесли плодъ даже и на сѣверѣ Руси. А между тѣмъ и въ южно-русской политической исторіи и въ исторіи южно-русской литературы обращаютъ вниманіе почти исключительно только на тѣ стороны, которыми онѣ соприкасаются съ исторіей Руси Московской, развившей наше нынѣшнее централизованное государство, въ которомъ сложилась и та цивилизація и литература, которыми мы живемъ теперь. Такъ въ политической исторіи Южной Руси мы слѣдимъ только за группировкой разныхъ племенъ подъ властію династіи, изъ которой произошли и цари московскіе и всея Руси, и какъ только эта династія перестаетъ править на юго-западѣ Руси, мы оставляемъ исторію этой земли, обращаясь къ ней только тогда, когда она начинаетъ ломать связи съ Польшей и входитъ подъ власть династіи московскихъ наслѣдниковъ шапки Мономаха, — и принимаемъ царство послѣднихъ за единственный типъ русскаго государства и общества. Между тѣмъ въ политической и общественной жизни Руси Владиміра Мономаха и Богдана Хмельницкаго было немало такого, что, пожалуй, не вошло въ струю жизни Московскаго царства и вышедшаго изъ него нынѣшняго нашего политическаго и общественнаго строя, но что представляетъ во всякомъ случаѣ любопытныя политико-соціальныя попытки значительной части тоже русскаго племени, что оставило по себѣ глубокіе слѣды въ народномъ характерѣ и бытѣ на значительной территоріи русскаго государства, и что еще, быть можетъ, пригодится въ свое время для соціально-политической исторіи Россіи, какъ пригодилось пресловутое «русское» (южно-русское) упорство для спасенія югозападной Руси отъ уніи и Польши ¹⁾. Такъ точно и въ ли-

1) «Упартый, якъ русинь», — говоритъ польская пословица, согласно и съ нашею поговоркой: «упрямъ, какъ хохолъ». Русинь — старое названіе русскаго сохранилось

тературной исторіи юга Россіи мы цѣнимъ собственно только сохраненіе традиціи письменности до тѣхъ поръ, пока она утвердилась въ Москвѣ и Петербургѣ, при помощи правительства, уже въ XVIII в., и весьма мало интересуемся содержаніемъ этой письменности, дѣлая исключеніе только для Нестора и «Слова о Полку Игоревѣ», забывая, что, напр., послѣднее могло развиваться только на почвѣ народной поэзіи, которая и до сихъ поръ на югѣ Россіи сохраняетъ близость свою къ этому памятнику русской поэзіи XIII в., — и что «Слово» это собственно не оказало ровно никакого вліянія на послѣдующее литературное развитіе сѣвера Руси (если не считать подражательной Задонщины) и не имѣетъ съ нимъ ровно никакой связи. Между тѣмъ живость и драматизмъ южно-русскихъ лѣтописей, особенно Волинской, богатство хоть бы одной мемуарно-исторической литературы на югѣ Россіи въ XVII—XVIII в., въ то время, когда литература или почти вовсе не было на сѣверѣ Руси, или она приняла высокопарный, псевдо-классическій характеръ, — все это если и мало повліяло на ходъ развитія литературы, которую, *faute de mieux*, мы считаемъ за обще-русскую, — то представляетъ по крайности любопытное проявленіе умственныхъ силъ народа, которыя врядъ ли на вѣки осуждены на безмолвіе.

Книжка г. Прыжова любопытна въ томъ отношеніи, что, несмотря на свою неполноту и краткость, несмотря даже на нѣкоторыя ошибки, она часто гораздо яснѣе передаетъ ходъ и характеръ литературной исторіи Южной Руси, чѣмъ довольно обширные курсы русской исторіи и исторіи русской литературы: при этомъ литературная исторія Южной Россіи какъ въ древнюю пору, такъ и въ XVI—XVIII в. не представляется у г. Прыжова отдѣльно отъ жизни и характера народа и теперь населяющаго эту область.

Г. Прыжовъ начинаетъ свою книжку съ обзора мѣстности, занимаемой южно-русскимъ племенемъ, и языка, которымъ оно говорило и говорить. Авторъ высказывается за древность и самобытность южно-русскаго языка, ссылаясь на извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ лингвистовъ, которые о немъ писали:

въ названіи народа юго-западной или Малой Россіи. Названіе это неправильно считать у насъ иногда наноснымъ, выдуманнымъ поляками для отличія *русиновъ* отъ *русскихъ*. Правда, что прилагательное отъ перваго правильно — *рускій*, а не *русинскій*. Для примѣра галицкое народное четверостишіе: «Ой Русине, Русине, Русинку — небоже, не бойся ты баламута, — Рускій Богъ поможе».

Миклошича, А. Шлейхера, Ламанскаго, Срезневскаго, Лавровскаго, Максимовича, Головацкаго и наконецъ Бодянскаго. Затѣмъ г. Прыжовъ описываетъ старый Кіевъ, средоточіе Руси, которая уже съ XIII в. стала называться *Украиной*, и широту отношеній Кіева съ разнымъ народомъ тогдашняго христіанскаго міра, составляющую контрастъ изолированности, каковой отличалось средоточіе Руси сѣверо-восточной до XVII в. Эти отношенія всего лучше выражаются словами пѣвца Игорева: «ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морави поють славу Святъславлю». Намъ кажется только, что авторъ нѣсколько увлекся, назвавъ тогдашній Кіевъ «старшимъ братомъ славянъ», а также, что авторъ, вслѣдъ за г. Костомаровымъ («Черты народной южно-русской исторіи») впалъ въ ошибку, характеризуя старую кіевскую жизнь по былинамъ Владимірскаго цикла, въ которыхъ нѣтъ ничего южно-русскаго, кромѣ именъ географическихъ. По крайней мѣрѣ тѣ женщины изъ былинъ и тѣ удалцы (Марина и Чурило), по которымъ г. Костомаровъ характеризуетъ жизнь горожанъ и дружины стараго Кіева, слишкомъ великорусскіе типы, чтобъ ихъ переносить на югъ.

Переходя собственно къ литературѣ Малороссіи съ XI в., г. Прыжовъ указываетъ слѣды южно-русскаго языка въ сборникѣ Святослава (1073), въ грамотахъ и рукописяхъ XII—XIII в., и притомъ, говоря о первомъ памятникѣ, выражается слѣдующимъ образомъ: «Даже Буслаевъ, радикально отвергающій самобытность южно-русскаго языка, здѣсь какъ-то проговорился о *вліяніи южно-русскаго писца* и по поводу *ю*, которое въ сборникѣ постоянно вмѣсто *ю сть*, прибавилъ: «это по-малорусски». (Хрестоматія. 276, 278). Не знаемъ, откуда извѣстны г. Прыжову взгляды г. Буслаева на южно-русскій языкъ, но по крайней мѣрѣ печатно московскій профессоръ высказался далеко не въ томъ смыслѣ, какъ говоритъ г. Прыжовъ, и вотъ тому доказательство. Въ той же исторической хрестоматіи, на которую указываетъ г. Прыжовъ, г. Буслаевъ говоритъ слѣдующее: «Малорусское нарѣчіе отличается отъ великорусскаго самостоятельными этимологическими формами въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, замѣчательными по ббльшей древности» (стр. 1630). На тѣхъ же страницахъ, на которыя указываетъ г. Прыжовъ, г. Буслаевъ, комментируя «Изборникъ», вовсе не проговаривается, по поводу одного слова, о вліяніи южно-русскаго писца, а говоритъ рѣшительно: «правописаніе Святославова Изборника, въ основѣ своей болгарское, подверглось значительнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ южно-русскаго писца», — и указываетъ нѣсколько примѣровъ этихъ измѣненій. Еще болѣе слѣдовъ южно-русскаго языка

находить г. Буслаевъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Въ примѣчаніяхъ въ послѣднемъ, г. Буслаевъ не только указываетъ эти слѣды, но и сравниваетъ цѣлыя выраженія изъ него съ выраженіями малорусской народной поэзіи, перенося въ эти примѣчанія сущность отдѣльной своей статьи: *Объ этическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи* (Хрестом. 600 и слѣд.). Сближенія, которыя дѣлаетъ въ этой статьѣ г. Буслаевъ между «Словомъ о полку Игоревѣ» и украинскими пѣснями,—не оставляютъ никакого сомнѣнія, что въ «Словѣ» мы имѣемъ дѣло съ родоначальникомъ украинскихъ думъ, сохранившихся съ XVI в.

Какъ и слѣдовало, г. Прижовъ посвятилъ довольно мѣста разбору этого любопытнаго памятника древней русской словесности и вмѣстѣ одного изъ лучшихъ образцовъ героическаго эпоса. Множество словъ и до сихъ поръ употребляемыхъ въ Малороссіи: *година, туга, оксамиты, Днѣпрѣ Словотучь* (Днѣпро Словуть) и т. д., много формъ языка, выраженія, размѣръ и ю мѣстамъ рима, точь-въ-точь, какъ въ украинскихъ думахъ, наконецъ характеръ и духъ,—все это не оставляетъ никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ украинской думой XII вѣка. Г. Прижовъ приводитъ слова Бѣлинскаго: «За южно-русское происхожденіе «Слова» говорить больше всего выражающійся въ немъ бытъ народа. Есть что-то теплое, благородно-человѣческое во взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ этой поэмы; особенно поразительны благородныя отношенія половъ» (Бѣл. V. 87—88). Надо замѣтить, что эти слова написаны Бѣлинскимъ въ той статьѣ, въ которой онъ слишкомъ строго отнесся къ великорусской народной поэзіи и изображаемому ею быту, особенно къ былинамъ. Въ подтвержденіе близости «Слова» къ украинской поэзіи, мы позволимъ себѣ привести изъ примѣровъ сходства выраженій, указанныхъ г. Буслаевымъ, особенно выдающіеся. Вотъ какъ изображаетъ пѣвецъ «Слова» поле битвы: «Чорна земля подъ копыты, костью была посѣяна, а кровью поляна, тугою взыдоша по русской земли»,—а вотъ тѣ же образцы изъ украинской пѣсни: «Чорна зямля заорана и кулями посіяна, білимъ тіломъ зволочена, а кровію сполочена». Вотъ изъ «Слова» изображеніе наступающаго войска: «Черныя тучи съ моря идутъ, хотять прикрыти четыре солнца, а въ нихъ трепещуть синіи молніи. Быти грому великому»;—тотъ же образъ въ украинской думѣ: «Изъ-за горы хмара выступае, — выступае, выхожае, до Чигирина громомъ выгремляе, на украинську землю блискавою блискае», и т. д. Знаменитый плачь Ярославны есть не что иное, какъ пѣсня украинской дивчины; а превосходный финалъ «Слова о полку Игоревѣ»—повторяется во многихъ украинскихъ

думахъ. Для примѣра уважемъ въ сборникѣ г. Максимовича (1849) длиннѣйшую изъ украинскихъ думъ о возвращеніи запорожскаго гетмана Самуила Кушки изъ турецкаго плѣна. Позволимъ себѣ сказать, что сравненіе выраженій поэмы XII в. и украинской поэзіи было бы также умѣстно въ статьѣ г. Прижова, какъ и сравненіе языка «Слова» съ малорусскимъ.

Разсмотрѣвъ «Слово о полку Игоревѣ», г. Прижовъ упоминаетъ о записанныхъ уже въ недавнее время украинскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ о временахъ до-татарскихъ и татарскомъ нашествіи, между которыми особенную важность имѣють дума о походѣ старшаго князя-язычника въ цареградскую землю (Кулишъ, «Зап. о Ю. Руси», I, 172) и о службѣ въ Цареградѣ (Мордовцевъ, «Сборн»., 192). Краткость предположеннаго объема и вообще болѣе библиографическій, чѣмъ критическій приѣмъ отношенія къ народной поэзіи, заставили нашего автора ограничиться только наименованіями этихъ обломковъ древнѣйшаго творчества на югѣ Россіи. Но мы позволимъ себѣ на нихъ остановиться, обративъ при этомъ вниманіе на то, что опущено г. Прижовымъ, потому что, въ виду недавно-поднятаго спора о происхожденіи былинъ такъ-называемаго кіевскаго цикла, остатки эпоса великовняжескаго въ той землѣ, гдѣ дѣйствительно происходили событія русской исторіи великовняжескаго періода, получаютъ особенную важность. Дума о походѣ старшаго князя-язычника въ христіанскую землю, напечатанная въ «Запискахъ о Южной Руси» г. Кулиша (т. I, стр. 172—178), записана, по словамъ стараго южно-русскаго этнографа Шишацкаго-Илича, отъ 80-лѣтней старухи. Начинается этотъ разговоръ прозою и послѣ принимаетъ видъ обыкновенной украинской думы, какъ будто дума эта начала уже переходить въ сказку. Это сказаніе-дума очень вѣрно передаетъ обстановку походовъ кіево-варяжскихъ князей на Цареградъ и упоминаетъ боговъ Мовоша и Посвистача, которому молятся, чтобъ онъ «моря не турбовавъ». Море однако заволновалось и князь-язычникъ долженъ былъ сознаться въ безсиліи бога своего и принять христіанство. Дума эта возбуждаетъ сомнѣніе въ своей подлинности именно упоминаніемъ боговъ Посвистача и особенно Мовоша, которымъ трудно было сохраниться изъ столь древнихъ временъ; но если она была написана какимъ-либо грамотѣемъ, то тогда — сказать съ точностью трудно. Заподозрить Шишацкаго-Илича въ сочиненіи нѣтъ основанія, хотя въ прежнія времена не считалось зазорнымъ поддѣлывать народныя думы, примѣромъ чему служить г. Срезневскій съ его запорожской стариной и думами, составленными по Рубану и Конисскому. Дума

могла быть составлена и въ XVII в. какимъ-нибудь книжникомъ, и послѣ приняла болѣе народный складъ.

Пока, впрочемъ, ничего положительнаго нельзя сказать ни за, ни противъ этой думы; въ виду же важности вопроса о формѣ, въ какой остались у русскаго народа преданія о событіяхъ кievскаго періода, желательно было бы, чтобы тѣ, кто имѣетъ возможность обслѣдовать мѣстность, въ которой записалъ Шишачкій свою думу, поискали—нѣтъ ли въ народѣ какихъ-либо стиховъ изъ нея или вариантовъ.

Другое преданіе, относящееся къ древнѣйшимъ кievскимъ временамъ, есть сказаніе о Кирилѣ Кожемякѣ и убіеніи имъ змія, сходное съ лѣтописнымъ сказаніемъ объ «Янѣ Усмошвецѣ», напечатанное тоже у г. Кулиша («Записки о Ю. Руси», т. II, стр. 27 и слѣд.). Оно уже приняло характеръ прозаической сказки. Но отъ удѣльной эпохи Южной Руси въ народѣ остались несомнѣнные памятники въ стихотворной формѣ, только не въ видѣ былины или думы, а въ видѣ колядокъ, въ которыхъ уже сглажены лица и событія, хотя и остались общія черты быта удѣльнаго періода. Колядки, какъ праздничныя пѣсни, были первоначально, какъ и теперь, прославленіемъ, обращеннымъ въ лицо, но теперь онѣ остались только такъ-сказать нарицательными прославленіями, а прежде, по крайности нѣкоторыя изъ нихъ, должны были быть собственно обращенными къ богу, или къ князю, котораго личные подвиги воспѣвались и такимъ образомъ обрядовая пѣсня принимала явно характеръ эпической (что можно замѣчать въ поэзіи всѣхъ почти народовъ). Съ теченіемъ времени эти «личныя» пѣснопѣнія обращались въ нарицательныя, и обрядовому ихъ значенію мы и обязаны тѣмъ, что въ колядкахъ остались черты древнѣйшаго гражданскаго быта русскаго племени, какъ и древнѣйшихъ его религіозныхъ понятій¹⁾. Кажется, что на это значеніе колядокъ до сихъ поръ не было обращено вниманія. Г. Прыжовъ называетъ въ числѣ пѣсенъ древнѣйшаго происхожденія, напечатанную г. Костомаровымъ въ «Малорусскомъ Сборникѣ» г. Мордовцева пѣсню о походѣ въ Цареградъ (стр. 192). Но эта пѣсня — колядка, хотя въ упомянутомъ сборникѣ она лишена характера колядки посредствомъ отвинутія отъ нея припѣвовъ. Въ «Сборникѣ Галицкихъ Пѣсень»,

¹⁾ Сколько-нибудь подробное указаніе этихъ послѣднихъ не входитъ въ нашу программу, но не можемъ не указать въ галицкихъ колядкахъ нѣсколько №№, рисующихъ чрезвычайно древнія космическія понятія, напр. въ Чт. Моск. Общ. Истор. и Др. 1864 г. т. I, стр. 5, № 7—созданіе земли, неба и свѣтилъ тремя голубами, которые доставятъ изъ моря песокъ и золотой камень. Стр. 43, 53, 65 и др. — олицетвореніе солнца и другихъ свѣтилъ и названіе солнца богомъ и т. п.

изданномъ г. Головацкимъ, между волядками есть два варианта пѣсни, напечатанной г. Костомаровымъ, которые, сводя болѣе характеристическіе стихи, мы представимъ для наглядности въ слѣдующемъ видѣ ¹⁾).

Ой въ чистімъ полі, близько дороги
Ой дай Боже!

Стоять наметы білі шовкові,
А въ тихъ наметахъ всі громодове,
Радоньку радять не еднакую,
Не еднакую, а троякую :

•Ой не справляймо на жоны шубы,

На жоны шубы, на дочки злото,

Але справляймо мідяни човна,

Мідяни човна, срібнії весла,

Та пускаймося на тихій Дунай,

Долівъ Дунаємъ, підъ Царегородъ;

Ой чуємо тамъ доброго пана,

Що платить добре за заслуженьку.

Ой дає на роць по сто червонихъ,

По сто червонихъ, по коникові,

По коникові, тай по шабелці,

Тай по шабелці, по парі суковъ,

По парі суковъ, та й по шапочці,

Та й по шапочці, та й по панночці.

Въ этой пѣснѣ царь константинопольскій уже сталъ просто добрымъ паномъ, — въ одномъ вариантѣ паномъ Петромъ, — однакожь она слишкомъ ясно рисуєтъ службу русскихъ въ числѣ варяговъ у императоровъ Византіи. Въ одномъ изъ вариантовъ раду о походѣ радять «молодци», идя «рано зъ церковці», — но какъ полученіе дѣвушекъ въ жалованье за службу, не совмѣстно съ христіанствомъ, то слѣдуетъ думать, что церковъ здѣсь замѣнила языческое моленіе передъ походомъ. Другія волядки галицко-малорусскія представляютъ подробности быта времени великокняжескихъ. Такова, напр., волядка, изображающая походъ воина, называемаго «нашъ пановъ», на три дороги, въ три земли ²⁾).

Одна дорога — та въ Волоськую,
Друга дорога — та въ Нѣмецкую,
Третья дорога — та въ Турецкую:
Зъ Волощины йде — волики веде,
Зъ Нѣмечины йде — грошики несе,
Зъ Туречины йде — коники веде.
Ой воликами на хлѣбъ роботы,
А грошыками війску платиты,
А кониками зъ війскомъ ся быты.

¹⁾ Чт. въ Моск. Общ. Ист. и Др. 1864, I, стр. 83, 67.

²⁾ Тамъ-же стр. 61.

Названія земель тутъ, конечно, позднѣйшія, — но обстановка похода, и стихъ — *грошыками війску платыты*, очевидно относится къ эпохѣ княжеской феодальной, а не къ польской аристократической и не къ разбойнической. Къ памяти о набѣгахъ относятся и варианты, изображающіе «гордаго пана», который сидитъ въ шелковомъ шатрѣ и къ которому приходятъ три паны (теперь изъ Вѣны, стр. 65), и другіе, представляющіе молодца съ тремя трубами (стр. 59). На удѣльные войны намекаетъ и колядка объ осадѣ города, многочисленные варианты которой называютъ Кіевъ, Львовъ, Сандоміръ и т. п. (тамъ-же 54, 62—65). Весьма характерна также колядка, представляющая отъѣзд пана въ Сандоміръ судъ судить. Пѣсня спрашиваетъ ¹⁾:

Що жъ йому дано за тоты суды?
— Ой дано жъ йому та три селечка:
А въ однімъ селі — старіі люде,
А въ другімъ селі — усе парубочки,
А въ третімъ селі — усе дівочки.

Тутъ очевидно представляется галицкое боярство, производящее судъ, по порученію князя, и получающее вознагражденіе селами. Трудно теперь судить, на какое событіе намекаютъ варианты колядокъ, которые говорятъ о плѣнѣ то «невѣрнаго», то «турецкаго» царя, котораго привозятъ въ «русскую», или «чешскую» землю, въ которой нѣтъ короля, — но изображение въ одномъ изъ вариантовъ «короля русьского» относитъ эту пѣсню къ временамъ Данила и его сыновей (стр. 29—30). Къ временамъ Данила и, кажется, его молодости слѣдуетъ отнести и нѣсколько колядокъ, изображающихъ возвратъ боярина изъ угорской земли. Вотъ характеристическія мѣста изъ важнѣйшихъ вариантовъ этихъ колядокъ ²⁾:

Въ нашего пана, пана крайника
Ей красні(о) въ него и двори його,
Тисові синці, яворовы сходці,
Ходить ей по нихъ молода княгиня,
На той княгині кований поясъ,
На тімъ поясі золоті ремячки,
На тихъ ремячкахъ мідяні ключи.
Мідяні ключи тихо, тихо дзвініте,
Тихо дзвініте,—пана забудьте!
Бо теперъ панъ нашъ зъ Угоръ приїхавъ;
А зъ Угоръ, зъ Угоръ, зъ Угорської землі.
Зійшлися къ нему вшитки панове,

¹⁾ Тамъ-же стр. 33.

²⁾ Тамъ-же стр. 11.

Вшитки панове, його братове,
 Сталися його вывідовати:
 «Ой пане, пане, што тамъ чувати,
 Што тамъ добраго въ Угрохъ слухати?» —
 «Добре слышано, бо южь поорано
 Южь поорано, златомъ засіяно,
 Павьянымъ перцёмъ заволочено,
 Золотымъ мечемъ загорождено»¹⁾.

Въ одномъ вариантѣ панъ, вернувшійся изъ Угоръ, называется панъ Перемысльный (Перемышльскій):

Передъ нимъ пляше молоде паня,
 На тымъ паняті рудая сукня (одежда)
 На ноженыхъ ма'ть шпурованы бітки,
 На бочейкахъ ма'ть кований поясъ,
 На тымъ поясі жовты ремячки
 На тыхъ ремячкахъ золоти ключи,
 На голові ма'ть павяный вінокъ,
 На ручейці ма'ть золотый перстінекъ

Панъ, говорится въ колядѣ, пріѣхаль съ войны, — но это, очевидно, позднѣйшее недоразумѣніе; слова: «въ Угрохъ добре слухати» и описаніе того, что дѣлается тамъ, — означаетъ, что уграмъ заплачены деньги и что тамъ собралось войско, которое блеститъ павлиными перьями на шлемахъ и стоитъ съ поднятыми мечами. Если такъ, то пѣсня говоритъ объ ожиданіи помощи отъ угровъ, а «молоде паня» есть Данило, возстановленный на столѣ княжескомъ съ помощью угровъ (слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что бояринъ Перемышльскій, по лѣтописи, былъ противъ Данила). Слѣдующая колядка уже безъ всякихъ натяжекъ относится къ аресту Ивана Берладника и такимъ образомъ передаетъ и имя и событіе:

А тамъ на лугахъ, на барзъ широкыхъ,
 Тамъ же ми горитъ терновый огонькъ,
 Самъ молодъ, ей, самъ молодъ!
 Самъ молодейкѣи на коничейку, самъ молодъ!
 Коль огня ходитъ широкій танецъ,
 А въ танцы ходитъ княгня Иванко,
 На головолиці сокола носить,
 Въ правой ручейці коничька водить,
 Въ лѣвой ручейці гусевки носить.
 Нихто не видѣвъ, лемъ слышь пански слузы;
 Скоро ввидѣли, пану доповѣли:
 «Ой идѣте, идѣте, Иванка звязите,
 Иванка звязите, ту го приведіте,
 Соколойка пустите до соківниці

¹⁾ Другой вариантъ: *обюрождено отъ злои тучи.*

Гусовки шмарьте до гусевниці
 Коничька вставте до коничейки,
 Иванка всадьте до темпичейки».
 Соколикъ квілитъ, головойки хоче,
 Гусевки граутъ, Иванка споминяутъ,
 Коничокъ гребе, до поля хоче,
 Иванко плаче, до милейкої хоче.

Вотъ все, что пока собрано изъ южно-русскихъ преданій и пѣсенъ о временахъ великовняжескихъ. Оно показываетъ, что на мѣстѣ дѣйствія героевъ тѣхъ временъ, уже не сохранились былинны и думы, т.-е. стихотворные рассказы о событіяхъ, а только сказки и колядки. Это отсутствіе на югѣ былинъ и присутствіе ихъ на сѣверѣ пробовали объяснить (г. Погодинъ) тѣмъ, что нынѣшніе малороссіяне не жили въ кievскій періодъ въ нынѣшней территоріи, на которой жили тогда великоруссы. Эти великоруссы, будто бы вытѣсненные татарскимъ погромомъ, пошли на сѣверъ Руси и распространились по его сѣвернымъ и южнымъ окраинамъ, — чѣмъ объясняется и то, что по этимъ окраинамъ, а не около Москвы и Суздаля, записана и большая часть былинъ. Малоруссы же пришли изъ-за Карпатъ уже въ XIV в., — и конечно, не могли сохранить преданій о кievскомъ періодѣ. Но сказка о Кожемякѣ и приведенныя нами колядки показываютъ, что преданія эти сохранились. Въ колядкахъ этихъ рисуется ясно бытіе временъ великовняжескихъ: отношенія къ грекамъ, вѣче (громадове), походы, князья, боярство, дома и одежда тѣхъ временъ рисуются гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ обстановка великорусскихъ былинъ, которая, какъ показано ясно г. Стасовымъ, не имѣетъ вовсе сходства съ дѣйствительностью удѣльнаго времени, — нѣтъ только, исключая Ивана Берладника, собственныхъ именъ, которыя за то сохранились въ великорусскихъ былинахъ (Владиміръ, Ставръ и др.). Это показываетъ, что сепаратистическая гипотеза г. Погодина о позднѣйшемъ пришествіи малоруссовъ не имѣетъ основанія, — отсутствіе же около Кіева былинъ объясняется давностью времени и тѣмъ, что событія и лица позднѣйшей демократической эпохи казацкой заслонили въ памяти народа событія и лица эпохи вняжеско-дружинной. Имя самого Ивана Берладника осталось, можетъ быть, потому, что Берладъ былъ родъ тогдашней Сѣчи и что этотъ *изгой* - князь былъ окруженъ «худыми» людьми. Чѣмъ же объясняется присутствіе кievскихъ именъ Владиміра, Ставра и т. п. въ былинахъ великорусскихъ, при ихъ дальнѣйшемъ, чѣмъ въ южныхъ колядкахъ, внутреннемъ содержаніи отъ

быта временъ кіевскихъ, — въ этомъ теперь и состоитъ вопросъ, который, конечно, мы не возьмемъ рѣшать.

Раннее разореніе татарами Кіева слилось въ народномъ сознаніи съ поздними татаро-турскими набѣгами, а потому не оставило специальныхъ пѣсенъ и сказаній, если не считать отрывковъ, напечатанныхъ въ «Запискахъ о Южной Руси», о защитѣ Кіева богатыремъ Михайликомъ, въ которомъ г. Кулишъ думаетъ видѣть извѣстнаго боярина Дмитрія. Изъ временъ литовскихъ въ печати извѣстна только одна пѣсня (про походъ Малаго Гирея, Менгли Гирея), которая впрочемъ даетъ полное основаніе предполагать, что ихъ было гораздо больше. Да иначе и быть не могло, ибо народъ западной Руси въ литовское время принималъ достаточно большое участіе въ оборонѣ страны отъ иноземцевъ. Любопытенъ характеръ этихъ остатковъ древнѣйшихъ пѣсенъ южно-русскихъ, — совершенно сближающій ихъ съ позднѣйшими думами. Южно-русская пѣсня, которая сохраняетъ слѣды историческаго событія или эпохи, сохранила ихъ въ возможно конкретномъ видѣ, передавая или конкретныя подробности быта, или событія, или имя. Видно, что пѣсню первоначально сложилъ народъ, который самъ видѣлъ и принималъ участіе въ событіяхъ, а не слышалъ только о нихъ, — оттого онъ иногда удерживалъ скудные числомъ преданія и черты, но ясныя и конкретныя, а не припутывалъ къ нимъ чужихъ. Оттого даже въ древнѣйшихъ своихъ памятникахъ южно-русская поэзія сохраняетъ въ сильной степени историческій, а не сказочный характеръ.

Г. Прижовъ не могъ, конечно, останавливаться долго на обломкахъ литературы южно-русской временъ литовскихъ, — и, ограничившись доказательствомъ русскаго характера государства и официальнаго языка княжества Литовскаго, спѣшитъ перейти къ временамъ столкновенія южно-руссковъ съ поляками, къ которымъ относится разцвѣтъ южно-русской литературы и народной словесности. «И вотъ теперь, говоритъ г. Прижовъ, судьбы міра выводятъ на позорище исторіи южно-русскій народъ съ его теплымъ и свѣтлымъ христіанствомъ, народъ, невѣдавшій ни расколовъ, ни ересей, — чуждый всякой нетерпимости и фанатизма, необыкновенно богатый пѣснями, въ которыхъ слышится его доброе, любящее сердце, горячо преданное своей *матери Украинѣ*, — народъ умный и честный, — не ничтожный народъ, а напротивъ хранитель началъ высшей гражданственности. Тогда для южно-русскаго народа опять настало время *борьбы за русскую землю* и въ теченіи этой борьбы въ Южной Руси возникаютъ *просвѣщеніе и поэзія...*» Все это правда, но

не безъ нѣкоторой односторонности. Г. Прижовъ, при всемъ своемъ уваженіи въ Южной Руси, все еще не окончательно отрѣшился отъ обычныхъ отношеній въ ея исторіи, по которымъ послѣдняя имѣетъ только отрицательное, реакціонное значеніе, значеніе *борьбы* противъ враговъ — противъ кочевниковъ въ удѣльное время, противъ татаръ и турокъ въ литовско-польское, и противъ поляковъ въ казацкое. Борьба борьбою, но въ Южной Руси, какъ и во всякой странѣ, въ которой разъ возникло культурное движеніе, были и свои внутреннія задачи общественной жизни и просвѣщенія, которыя возникали независимо отъ борьбы съ внѣшними врагами и даже прямо страдали оттого, что всѣ силы народа должны были направляться на внѣшнюю борьбу. Притомъ же, если борьба, напр. южно-руссовъ съ поляками, сопровождалась развитіемъ просвѣщенія, то это говоритъ въ пользу того, что просвѣщеніе не «возникло» только, какъ реакція во время борьбы, а было уже въ извѣстной степени въ странѣ, которая понимала необходимость не одной только матеріальной, но и нравственной реакціи чужому напору.

Слѣдя въ южно-русской литературной жизни только за проявленіями борьбы противъ чужого, г. Прижовъ въ исторіи литературы древне-киевского періода остановился только на «Словѣ о полку Игоревѣ», но опустилъ лѣтопись, начальную, киевскую и волынскую и такіе памятники, какъ завѣщаніе Мономаха. А между тѣмъ въ нихъ видны тѣ же черты южно-русской народности, которыя съ такимъ сочувствіемъ изображаетъ г. Прижовъ въ приведенныхъ выше словахъ. Южныя же лѣтописи, особенно волынская (Ипатьевская), выдаются среди древне-русскихъ лѣтописей другихъ областей особенною живостью и полнотою изложенія, показывающею, что ихъ составляли не удалившіеся вовсе отъ жизни монахи, — «какъ дьякъ въ приказѣ посѣдѣльи», — но близкіе участники въ событіяхъ описываемыхъ. Эти лѣтописи прямые родоначальники тѣхъ хроникъ-мемуаровъ, которые велись въ казацкое время и которые въ общемъ весьма вѣрно характеризованы и г. Прижовымъ, а между тѣмъ онъ совершенно номенклатурно говоритъ о лѣтописныхъ памятникахъ исторической литературы Южной Руси, а нѣкоторые и вовсе опускаетъ, какъ напр. Густынскую. Эта, во многихъ отношеніяхъ, слабая лѣтопись любопытна однакожь потому, что доводитъ рассказъ до 1597 г. и отличается начитанностію составителей въ литературѣ польско-латинской (Длугошъ, Кромеръ, Вагнини) и греческой (Оміръ) и такимъ образомъ связываетъ древнѣйшее лѣтописаніе южно-русское съ позднимъ, котораго

представителями могутъ быть сочтены лѣтописи южно-русскія, изданныя г. Н. Бѣлозерскимъ и доводящія разсказъ до 1750 и 1783 г., а также съ мемуарной литературой казацкой эпохи и съ такими сводами, какъ Синописисъ ¹⁾. Останавливаясь преимущественно только на такихъ памятникахъ, которые были проявленіемъ борьбы южно-руссовъ съ иноземцами, г. Прышовъ и въ литературной исторіи XVI—XVII в. говорятъ обстоятельно (конечно, въ предѣлахъ статьи) о полемической дѣятельности кіево-могилянскои академіи, о вызванной казацкими войнами историографіи, — но почти ничего не говоритъ о литературномъ движеніи въ юго-западной Руси, предшествовавшемъ религіозной уни и казацкой реакціи. Это движеніе имѣло центрами Вильну, Острогъ и Львовъ. До сихъ поръ единственныя сочиненія, которыя знакомятъ сколько-нибудь съ этимъ литературнымъ движеніемъ—это г. Максимовича «Книжная старина южнорусская» во «Временникѣ», издаваемомъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1849 г. № 1 и 3, — статья, имѣющая впрочемъ преимущественно библиографическій характеръ, и г. Костомарова «Южная Русь въ концѣ XVI в.» въ III т. «Монографій». Сокращеніе изъ статьи г. Максимовича сдѣлано имъ же въ «Письмахъ о вязыяхъ Острожскихъ» (Кіевъ. 1866). Обѣ статьи даютъ возможность только предполагать, какой интересный пунктъ исторіи просвѣщенія на Руси представляетъ литературное движеніе въ юго-западной Руси XVI в., но полнаго понятія о немъ нельзя составить, потому что ни одинъ памятникъ изъ напечатанныхъ въ то время не былъ изданъ вновь ученымъ образомъ теперь, а многое остается и до сихъ поръ въ рукописи, а все вообще пользуется у нашихъ ученыхъ и педагоговъ тѣмъ (просвѣщеннымъ, конечно)—невниманіемъ, какимъ награждается у насъ все, что относится къ прошлому и настоящему Южной Руси, несмотря на то, что она украшена тремя университетами и столькими же учебными округами. Впрочемъ, для размѣровъ статьи г. Прышова, для изображенія общаго характера литературной дѣятельности старой Малороссіи достаточно и тѣхъ данныхъ, какія представляютъ названныя статьи гг. Максимовича и Костомарова.

У насъ вообще слишкомъ односторонне смотрятъ на западно-русскую литературно-печатную дѣятельность XVI в. и дѣлаютъ изъ нея слишкомъ односторонній выборъ. На нее смотрятъ только, какъ на православную реакцію пропаганды като-

¹⁾ Лѣтописи, изд. Н. Бѣлозерскимъ, тоже опущены г. Прышовымъ.

лицизма. Между тѣмъ, литературное движеніе Литвы и Волыни въ XVI в., правда, сосредоточивалось около религиозныхъ вопросовъ, но было отраженіемъ литературнаго движенія эпохи возрожденія наукъ и реформаціи, общаго всѣмъ тогдашнимъ европейскимъ странамъ, въ число которыхъ входила и тогдашняя Южная Русь, хотя, конечно, отраженіемъ слабѣйшимъ. Насильственный характеръ уніи и казацко-крестьянская реакція надломили начавшееся литературное движеніе и сократили его въ борьбу за догматы православія, — съ какимъ характеромъ является преимущественно литература кіево-могилянскаго періода. Но болѣе раннее литературное движеніе имѣло болѣе широкій характеръ. На тогдашнемъ русскомъ (западно-русскомъ) литературномъ языкѣ, развившемся на почвѣ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, писали и католики и протестанты, какъ и православные. И духъ пропаганды, и свойственное времени реформаціи вниманіе къ массамъ народа, побуждали тогдашнихъ писателей оставлять латынь и церковно-славянщину для языка русскаго; хотя, съ другой стороны, необходимость обращаться къ европейскому общественному мнѣнію заставляла борющіяся религиозныя и политико-національныя партіи писать и по латыни, — а нападки католиковъ и протестантовъ на непонятность церковно-славянскаго языка и сильная подмѣсь къ тогдашнему церковному языку западной Руси чужихъ словъ заставляли многихъ ревнителей православія изучать и обрабатывать свой церковный языкъ и священныя книги и при этомъ обращаться для свѣрки къ языку греческому. Словомъ, XVI в. вмѣстѣ съ началомъ XVII-го для Южной Руси, какъ и для всей современной Европы, былъ вѣкомъ переводовъ священнаго писанія на народный языкъ, изученія латинскихъ и греческихъ отцовъ и писанія политико-религиозныхъ памфлетовъ, — въ родѣ *либелловъ*, которыми такъ богаты литературы Европы въ упомянутое время.

Первая книга, напечатанная на русскомъ языкѣ, была «Библия Руска», переведенная съ Вульгаты католикомъ докторомъ Францискомъ Скориною изъ Полоцка, вышла въ Прагѣ въ 1517—1519 г. иждивеніемъ виленскаго мѣщанина Богдана Онькова. Она предупредила чешскій переводъ библии (1555) и польскіе (1561 и 1563 г.). Церковно-славянскія книги: Часословъ, Псалтырь, Октоихъ и Трїодъ были напечатаны Швайпольштомъ Фьолемъ еще въ 1491 г. въ Краковѣ, откуда печатникъ, обвиненный въ ереси, бѣжалъ въ Венгрію. Въ 1525 г., уже въ Вильнѣ, Скорина напечаталъ въ типографіи, заведенной въ домѣ бурмистра Якова Бабича, Апостоль, Псалтырь, Акаѳисты и др. Въ 1562 г., въ Несвижѣ напечатанъ «Катихизисъ для простыхъ людей языка

Рускаго», сочиненный кальвинистомъ Симономъ Буднымъ съ товарищи, издвигеніемъ кн. Николая Радивиля Чернаго. Вотъ первенцы печати церковно-славянской и русской, начало которой обыкновенно несправедливо ставятъ въ 1563—64 г., когда Иванъ Федоровъ съ товарищами напечаталъ Апостолъ въ Москвѣ. Московскіе печатники, обвиненные въ ереси, бѣжали въ гетману литовскому и воеводѣ русскому (кіевскому) гр. Ходкевичу, который завелъ типографію въ Заблудовѣ (Гродн. губ.), выпустившую Евангеліе и Псалтырь въ 1568—69 гг. Федоръ переселился, по смерти гетмана, во Львовъ, гдѣ издалъ Апостолъ, — первенца печати червоно-русской въ 1573—74 г., а потомъ въ Острогъ къ кн. Конст. Конст. Острожскому, гдѣ, послѣ свѣренія съ греческимъ текстомъ, былъ изданъ по церковно-славянски Новый Заветъ и Псалтырь въ 1580 г. До 1616 г., когда основана была типографія въ Кіевѣ, на Руси было напечатано, по счету г. Максимовича («Книжная Старина», продолж. въ «Кіевлянинѣ», 1850), 112 изданій, изъ коихъ въ Литвѣ 42, въ Галиціи и на Волини 42, въ Москвѣ—28. Въ этой печати принимали участіе далеко не одни только православные, а и католики и протестанты. Вообще вліяніе послѣднихъ на тогдашнюю юго-западную Русь было довольно сильно, даже на православныхъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ письма кн. Конст. Конст. Острожскаго, который называлъ кальвинистовъ «послѣдователями истиннаго закона Христова». Когда былъ поднятъ вопросъ объ униі, кн. Острожскій писалъ извѣстному Поцѣю, — что онъ одобряетъ мысль соединенія православныхъ съ католиками, но считаетъ унию правильною только тогда, еслибы и другіе православные, близкіе къ южно-руссамъ, москвичи и валахи приступили къ соединенію. Для этого онъ предлагалъ владимірскому епископу ѣхать въ Москву, а львовскому къ волохамъ. При совмѣстномъ заключеніи униі кн. Острожскій предлагалъ многое исправить и измѣнить въ церковномъ устройствѣ, обрядахъ, въ ученіи относительно св. тайнъ и «отдѣлить отъ церкви челоувѣческіе вымыслы». Поцѣй не считалъ что-либо нужнымъ мѣнять въ тогдашнемъ православіи, въ Москву же ѣхать рѣшительно отказался, опасаясь «съ такимъ посольствомъ попасть подъ вѣхъ». Вскорѣ послѣ брестской униі вышло сочиненіе «Апокрисисъ» русина и православнаго Христофора Бронскаго, — который требовалъ равнаго и свободнаго участія свѣтскихъ людей въ дѣлахъ вѣры наравнѣ съ духовными, а ученіе о безусловномъ повиновеніи духовенству называлъ «наукою и разсказаніемъ не христіанскихъ, але жидовскихъ докторовъ, рабиновъ и рабасовъ, которые въ Талмутѣ безчисленное количество глу-

ныхъ и брыдливыхъ, Божему прироженому и писаному праву противныхъ фальшовъ и вламствъ написавши,—подъ потопленіемъ тому всему своимъ жидамъ вѣрити розказали, оже бы ся до обаченья приходити не могли.»

Въ Южной Руси издавна свѣтскіе люди участвовали въ выборѣ священнослужителей, а Бронскій требовалъ права паствы и низлагать ихъ. Нѣкоторые готовы видѣть въ Бронскомъ признакъ только упадка православія, вслѣдствіе отпаденія духовенства въ унию, а въ словахъ Острожскаго признакъ ослабленія православія, вслѣдствіе неустройствъ церкви и слабости просвѣщенія православнаго духовенства. Но едвали не правильнѣе будетъ видѣть въ приведенныхъ мысляхъ Острожскаго и Бронскаго, которые оба были ревнители православія, признаки сильнаго возбужденія мысли въ южно-русскомъ обществѣ XVI в., которое хотѣло, не отрываясь отъ ставшей національною вѣрой, произвести въ ней преобразованія и дать просторъ личной совѣсти и уму,—а также черты православно-реформаціоннаго, чуждаго узкаго сектантства, свободомыслія, свойственнаго южноруссамъ вообще.

Проявленіе идей реформаціи и возрожденія затронуло близко и другіе важные вопросы въ Южной Руси: отношеніе свѣтскаго образованія къ духовно-аскетическому и вопросъ о языкѣ для богослуженія. О положеніи этихъ вопросовъ въ умахъ русскихъ людей въ XVI в. можно судить по обличительному сочиненію монаха Іоанна изъ Вишни, напечатанному съ рукописи Публичной бібліотеки, въ «Актахъ южной и Западной Россіи», II т. Православный монахъ жалуется на чтеніе Платона и Аристотеля и «другихъ подобныхъ имъ машкарниковъ и комедійниковъ», жалуется на свѣтскость выспага православнаго духовенства, на отступленія его отъ строгой воздержности. Очевидно, что и въ Южной Руси происходило тоже, что дѣлалось въ Европѣ въ эпоху возрожденія и реформаціи. Чтеніе языческихъ писателей возбуждало между прочимъ свободомысліе, которое не нравилось благочестивымъ людямъ. Это свободомысліе, приводившее многихъ въ реформаціоннымъ идеямъ, попадая въ сферу богатаго духовенства, соединилось съ непосредственнымъ сенсуализмомъ и материалистическимъ скептицизмомъ, свойственнымъ всѣмъ эксплуататорамъ, подрывало окончательно узы традиціональной морали, сдерживавшія въ извѣстной мѣрѣ эгоизмъ и чувственность. Такъ было нѣкогда съ католическими прелатами-язычниками временъ Александра VI и Льва X, такъ было и съ аристократами временъ регентства и Людовика XVI. А этотъ развратъ официальныхъ блюстителей морали вызывалъ въ благочестивыхъ людяхъ

реакцію противъ идей, которыми онъ прикрывался, но въ то же время наводилъ ихъ на мысли о необходимости реформировать церковь и общество, и такимъ образомъ реакціонеры сходились съ свободными мыслителями, какъ сходились въ мысли о необходимости реформы въ католицизмѣ и классики Макиавелли и Цвингли, и суровые монахи Саваноролла и Лютеръ. Очевидно, что нѣчто подобное, хотя въ меньшей степени, творилось и въ южно-русскомъ обществѣ XVI в., и Иоаннъ изъ Вишни обличалъ духовенство своего времени не хуже протестантовъ и Христофора Бронсаго. Свѣтское образованіе и чтеніе классиковъ подкапывалось подъ церковно-славянскій языкъ, который то же защищаетъ Иоаннъ изъ Вишни. Подъ него шелъ подкопъ съ двухъ сторонъ. Вѣрные своему стремленію распространенія вѣры въ массахъ, протестанты и въ западной Руси взяли за народный языкъ, стараясь на немъ изложить вѣроученіе и священное писаніе, оставивъ церковно-славянскій языкъ, какъ мало понятный народу, хотя по духу пропаганды могли прибѣгать къ этому языку, какъ къ средству вліянія на православныхъ. Съ другой стороны іезуиты, опираясь на важность латинскаго языка, какъ связи въ то время всѣхъ образованныхъ народовъ Европы, старались эксплуатировать эту важность въ пользу католической латыни и противъ церковно-славянскаго языка (Скарга: «О Jedności wiary»). При этомъ духъ интриги и пропаганды заставлялъ и іезуитовъ прибѣгать и къ народному русскому и къ церковно-славянскому языку, хотя и тотъ и другой въ большинствѣ случаевъ былъ имъ ненавистенъ. Ревнители православія по реакціи должны были крѣпче прилѣпиться къ церковно-славянскому языку, какъ въ вѣншнему признаку православія. «По дьявольскому навожденію, говоритъ Иоаннъ изъ Вишни, славянскій языкъ обмерзѣлъ многимъ: его не любятъ и хулятъ; но онъ есть плодоноснѣйшій и любимѣйшій Богомъ языкъ человѣческій именно за то, что на немъ нѣтъ ни грамматики, ни риторики, ни діалектики, ни прочихъ коварствъ дьявольскаго тщеславія». Издательская дѣятельность въ Острогѣ и потомъ въ Кіевѣ имѣла цѣлю поддержаніе церковно-славянскаго языка, причемъ кіевскіе дѣятели на наивной защитѣ Иоанна изъ Вишни не остановились, а почувствовали необходимость для церковно-славянскаго языка грамматики, риторики и діалектики, а вообще для православнаго человѣка науки. При этомъ необходимость вести борьбу за вѣру и народность заставила православныхъ прибѣгать и къ латинскому и польскому языку (М. Смотрицкій, П. Могила). Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта борьба вѣръ и языковъ въ юго-западной Руси, еслибы ей предоставлено было свободное развитіе,

но насильственные мѣры въ пользу уніи привели къ преобладанію католицизма и польскаго языка въ дворянствѣ, усилили реакцію въ пользу церковно-славянскаго языка, въ небольшомъ числѣ оставшагося православнаго духовенства, а національно-сословная вражда массъ къ шляхтѣ сблизила ихъ съ православной партіей въ духовенствѣ, — такъ что умственное религиозное движеніе XVI в. сильно сдузилось. Впрочемъ, оно не осталось вовсе безъ слѣдовъ: языкъ литературы киево-могилянскаго періода все-таки приблизился къ народному, извѣстная доля прежняго свободомыслія давала возможность развиться достаточно сильной терпимости, даже въ духовенствѣ, какъ можно видѣть на примѣрѣ такихъ людей, какъ Теофанъ Прокоповичъ; на немъ же и даже на такихъ лицахъ, какъ Дмитрій Ростовскій, можно видѣть, что не прошло безъ слѣда для южно-русскаго общества и то знакомство съ свѣтскимъ, классическимъ образованіемъ, которое проникало изъ Италіи и Германіи въ Польшу и западную Русь въ XVI и XVII в. Политическая и социальная борьба съ Польшею вызвала богатое развитіе исторической литературы и поэзіи; извѣстное же сближеніе вѣры съ жизнью вызвало зародыши національной драмы.

Дѣятельность киево-могилянскіи академіи, равно какъ и историческая и драматическая литература XVII и XVIII в. въ Южной Руси характеризованы сжато, но довольно полно въ брошюрѣ г. Прыжова, хотя и мѣстами и недостаточно систематично. Г. Прыжовъ даетъ довольно большое значеніе казачеству, даже въ умственной дѣятельности Южной Руси. Г. Прыжовъ выражается такъ: «Несправедливо говорили поляки, что казаки — это ни больше, ни меньше, какъ разбойничья шайка, несправедливо писалъ и Самойловъ, что запорожцы — это «мамилуки, разбойники, бродяги, развращенные» и, наконецъ, «сами историки великорусскаго народа говорили, что казаки — это не что иное, какъ искатели винуновъ» (стр. 43). Историкъ политическій не можетъ не цѣнить Запорожья въ дѣлѣ поднятія знамени русско-народности, оставленнаго южно-русскимъ дворянствомъ скоро послѣ уніи, и въ дѣлѣ сближенія съ крестьянствомъ казачества, которое было до того отдѣльнымъ сословіемъ и возставало прежде (бунтъ Косинскаго) только за свои сословныя права. Обѣ стороны значенія Запорожья дѣлаются замѣтными съ эпохи Сагайдачнаго и окончательно проявляются во время Богдана Хмельницкаго. Но казачество не оставалось безъ вліянія и на ходъ литературнаго развитія Южной Руси. «Въ это время, говоритъ г. Прыжовъ, въ Южной Руси совершается необыкновенно замѣчательное явленіе. Церковь и гражданинъ соединяются въ одно:

монахъ подаетъ руку воину. Вся прошедшая жизнь приводила къ тому, что монахъ часто становился въ ряды казаковъ, а казаки дѣлались монахами. Монахи благословляли казаковъ на битву, они же святили ножи, и въ тоже время запорожець шелъ въ монахи, а войсковою судья вдругъ дѣлался митрополитомъ. Монахъ и казакъ одинаково были гражданами своей земли, одинаково служили просвѣщенію, заводили школы, изучали свою исторію, занимались поэзіей.

Тимъ-то и сталась по всему свѣту
 Страшная козацкая сила,
 Що у васъ, панове молоді,
 Була воля и душа едина!...

«Этотъ братскій союзъ всей земли сказался особенно въ двухъ великихъ людяхъ Южной Руси начала XVI в., въ гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ и кievскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ. Гроза турокъ и татаръ, суровый Петръ Конашевичъ Сагайдачный даетъ сиротствующему кievскому престолу митрополита Іова Борецкаго, на свой счетъ возобновляетъ Бого-явленское кievское братство, учреждаетъ фундацію на школу братства львовскаго, и рука, которая вчера еще громила турокъ, теперь пишетъ объясненіе на унію». «Петръ Могила — сынъ Семеона Могила, бывшаго господаремъ Молдавіи. Родился онъ въ 1597 г. и, по преданію, воспитывался въ Парижѣ, потомъ служилъ въ польскихъ войскахъ и участвовалъ въ битвѣ съ турками подъ Хотинымъ (совмѣстно съ Сагайдачнымъ). Въ 1626 г. онъ является въ Печерскомъ монастырѣ, а въ 1628 г. избранъ митрополитомъ. Онъ самъ такъ рассказывалъ о своей дѣятельности: «Когда Богъ благословилъ мнѣ быть пастыремъ столицы митрополіи кievской, и прежде того еще архимандритомъ Печерской Лавры, — съ того времени, видя упадокъ *благочестія* (православія) въ народѣ рускомъ ни отчего иного, какъ оттого, что не было никакого наставленія и наукъ, я положилъ обѣтъ мой Господу Богу, все мое имущество, доставшеся отъ родителей и что только, за должнымъ удовлетвореніемъ святыхъ мѣстъ, мнѣ вѣренныхъ, останется отъ доходовъ съ имѣній, имъ принадлежащихъ, обращать частію на обновленіе разрушенныхъ домовъ Божіихъ, которыхъ жалкія остались развалины, и частію на основаніе школъ въ Кіевѣ, правъ и вольностей народа русскаго». Извѣстно, что Петръ Могила исполнилъ свой обѣтъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ учрежденіе братской школы, превращенной потомъ въ кievско-могилянскую коллегію, печерской типографіи, литературная дѣятельность и дѣятельность на сеймахъ въ пользу православія, поддерживанная казаками.

Близости духовенства съ казачествомъ, а слѣдовательно съ массами народа, слѣдуетъ приписать проявленіе жизненности въ южно-русской литературѣ XVI—XVIII в., которая иначе грозила остаться исключительно схоластической или псевдо-классической. Несмотря на приверженность къ церковно-славянскому языку, кievское духовенство въ концѣ XVI в. приготовило изложенеіе православнаго исповѣданія на малорусскомъ нарѣчїи, на печатаніе котораго получило дозволеніе отъ московскаго патріарха Адріана. Въ другихъ родахъ литературы струя жизненно-народная была еще сильнѣе. Вслѣдствіе жизненности религіи въ Южной Руси, какъ нѣсколько раньше въ западной Европѣ, создалась церковная драма, которая все болѣе принимала народный характеръ и переходила въ политическую драму и даже комедію. Уже вертепная драма, временъ Сагайдачнаго (1600—1620 г.), написанная на церковно-славянскомъ языкѣ, вставляетъ интермедію на народномъ языкѣ и въ число дѣйствующихъ лицъ вводитъ не только Ирода и компанію, но и лицъ изъ народа, поляка, казаковъ, — вводитъ и народную пѣсню:

Да не буде лучче,
 Да не буде краще,
 Якъ у насъ на Украини,—
 Що не мае жида,
 Що не мае ляха,
 Не мае Уніи.

Драма Теофана Прокоповича «Милость Божія, Украину черезъ Богдана Хмельницкаго освободившая и возвеличившая», представленная въ Кіевѣ въ 1728 г., есть уже народно-политическая драма. Въ комедіяхъ и мистеріяхъ Довгалевскаго, учителя пїитики въ Кіевѣ (1736) выводятся казаки, литвины, москали, ксендзы, жида, поляки, живыя лица, говорящія живымъ языкомъ, — а сцена, изображающая ляха-пана съ литвинами (бѣлоруссами) — подданными, представляетъ рѣшительный протестъ противъ крѣпостнаго права, которому подобнаго тщетно бы мы стали искать въ тогдашней аристократически-придворной литературѣ сѣверной Россіи, равно какъ и такой жизненности изображеній! Церковная драма переходила съ юга Россіи и на сѣверъ, но здѣсь она не пользовалась благорасположеніемъ и оставалась въ тѣсныхъ библейскихъ рамкахъ. Скоро она замѣнилась театромъ псевдо-классическимъ, тоже чуждымъ жизни народной и русской, какимъ онъ оставался до самого XIX в. На югѣ Россіи обстоятельства не позволили развиться болѣе совершенной народной драмѣ, и хотя попытки Котляревскаго представляютъ любопытные для своего времени (конецъ XVIII в.

начало XIX в.) опыты народной драмы и комедіи, довольно родственной старымъ опытамъ, но, къ сожалѣнію, малорусская сцена дальше не пошла, несмотря на то, что народная жизнь, пѣсни и исторія полны драматическихъ сюжетовъ.

Другая сфера литературной дѣятельности въ Южной Россіи уже прямо обязана своимъ развитіемъ казачеству. Это исторіографіи, богатство которой въ XVII и началѣ XVIII в. представляетъ такой контрастъ бѣдности національной исторіографіи въ тогдашней сѣверной Руси. Далекое не всѣ памятники исторіографіи Южной Руси дошли до насъ, не все изъ того, что уцѣлѣло, издапо, — а все почти не пользуется вниманіемъ нашей науки и школы, а потому едва извѣстно по именамъ. А между тѣмъ одно перечисленіе важнѣйшихъ памятниковъ этой исторіографіи указываетъ на ихъ значеніе. Это «Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмельницкаго», «Діаріушъ» Самуила Зорка, писаря въ Кошѣ, не дошедшій до насъ, но послужившій источникомъ Величка; «Сказаніе о войнѣ казацкой» Величка, реестры всего войска запорожскаго, бывшіе въ рукахъ Максимовича и имъ описанные, но до сихъ поръ неизданные и, по всей вѣроятности, пропавшіе (г. Прижовъ, кажется, считаетъ ихъ напечатанными), лѣтопись Максима Плиска, доведенная до 1780 г., Григорія Грабянки «Небывалая брань Б. Хмельницкаго съ поляками», Марковича записки, Діаріушъ Ханенка, «Исторія Руссовъ» (псевдо) Конисскаго и т. д. Отличительная черта историческихъ сочиненій южно-русскихъ — большое вниманіе къ актамъ, которые иногда цѣликомъ приводятся въ сочиненіи, — а черезъ то значительная обстоятельность. При этомъ весьма многіе авторы обладали значительною для своего времени начитанностью, знакомствомъ съ всеобщей исторіей, съ польскими и литовскими хрониками, русскими лѣтописями, важнѣйшими историко-политическими трактатами западно-европейской литературы, напр. исторіей Германія Пуффендорфа и т. п. Замѣчательно, что относительная ученость не мѣшала прелестной наивности разсказа, которою особенно отличается «Сказаніе Самуила Велички», представляющее безспорно одно изъ лучшихъ произведеній старинной русской исторіографіи. Это сказаніе, равно какъ и исторія руссовъ превосходятъ всѣ остальные произведенія южно-русской литературы XVIII вѣка.

Г. Прижовъ кратко характеризуетъ ихъ, и мы имѣемъ только два возраженія противъ его словъ: первое — что онъ напрасно отдаетъ послѣднему произведенію первенство въ южно-русской исторіографіи, а во-вторыхъ, что онъ напрасно оспариваетъ мнѣніе г. Максимовича, нынѣ признанное всѣми, — что «Исторія Руссовъ» писана не Конисскимъ. Промехи и противорѣчія ея съ

другими сочиненіями, несомнѣнно принадлежащими Конисскому, слишкомъ явны; притомъ же самъ Конисскій не говоритъ, что онъ писалъ «Исторію Руссовъ». На это произведеніе надо смотрѣть, какъ на памфлетъ въ пользу правъ и вольностей руссовъ, т.-е. малороссіянъ, памфлетъ, мѣстами чрезвычайно ѣдкій и даже художественный (напр. тамъ, гдѣ онъ изображаетъ насилія, производимыя солдатами, по словамъ которыхъ «куры, гуси, дѣвки, молодицы, — все наше, по праву война и по приказу его благородія»), а не какъ на внѣшне-фактическую исторію, тогда онъ составитъ незамѣнимый памятникъ состоянія просвѣщенія и политическихъ идей Малороссіи въ половинѣ XVIII в. Но, къ сожалѣнію, съ этой точки зрѣнія «Исторія Руссовъ» не была никѣмъ еще рассмотрѣна. Намъ казалось бы, что теперь, когда печатаются рѣчи и записки малороссійскихъ депутатовъ въ комиссіи 1767 г., въ которой они защищали равноправность сословій и свободу крестьянъ, настало время оцѣнки и «Исторіи Руссовъ», которая была передана Конисскимъ роменскому депутату Полетивѣ, какъ руководство исторіи его родины, необходимое для справокъ члену комиссіи составленія законовъ. По поводу Велички мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе г. Прыжову, что онъ напрасно называетъ Величка войсковымъ писаремъ (стр. 32). Войсковый писарь былъ чинъ генеральный и соотвѣтствовалъ канцлеру или министру иностранныхъ дѣлъ, — Величка же былъ просто канцеляристъ гетманской канцеляріи.

Если конецъ XVII и начало XVIII в. въ Малороссіи изобилуютъ историческими сочиненіями лицъ близко участвовавшихъ въ событіяхъ казацко-украинской исторіи, — то вторая половина XVIII в. обильна сводами историческихъ свѣдѣній о Малороссіи и ея географическими и статистическими описаніями. Изъ послѣднихъ особенно важно многотомное румянцовское описаніе Малороссіи, послужившее матеріаломъ для Чепы — «Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ» (1798) и Шафанскаго — «Краткое географическое и историческое описаніе Малой Россіи» (1786). Румянцовское описаніе Малороссіи составлялось комиссіей съ 1765 — 68 года. Конисскій говоритъ, что оно нечаянно уничтожилось, но г. Лазаревскій нашелъ изъ нея въ архивѣ черниговской казенной палаты 148 фоліантовъ около 1,000 листовъ каждый, обнимающихъ полки Черниговскій, часть Киевскаго, Нѣжинскій, Стародубскій, часть Прилудскаго и Смѣлянскую сотню Лубецкаго. Въ настоящее время эти томы находятся въ бібліотекѣ черниговскаго губернскаго статистическаго комитета и часть изъ нихъ (полки Нѣжинскій, Киевскій и Черниговскій) описаны г. Ад. Лазаревскимъ («Обозрѣніе Румянцовской

описи Малороссіи», изд. черн. губ. стат. ком. вып. I и II, Черниговъ, 1866 и 1867 г.). Въ обработкѣ исторіи Малороссіи принимали участіе и малороссіяне, воспитанники кievской академіи, какъ Симоновскій (учившійся потомъ за границей), Бантышъ-Каменскій, Рубанъ и другіе, такъ и иностранцы Ригельманъ (поселившійся въ Малороссіи) и Миллеръ. Централизація образованія въ Москвѣ и Петербургѣ отвлекла къ концу XVIII в. умственные силы Малороссіи, а съ другой стороны пособія правительства обратились на изученіе исторіи Руси Московской, — а потому такъ блистательно начатое изученіе судеб Южной Россіи ослабѣло. Какъ ни почтенны въ своемъ родѣ труды Бантыша-Каменскаго (младшаго) и Н. Маревича для исторіи Малороссіи, — но ихъ нельзя поставить на ряду съ современными имъ трудами по исторіи сѣверной Руси, и едва-ли не слѣдуетъ упрекнуть г. Прижова въ преувеличеніи, когда онъ говоритъ, что Д. Н. Бантышъ-Каменскій обезсмертилъ себя исторіей Малой Россіи. Да и трудно было, и трудно до сихъ поръ равняться изучающимъ исторію и жизнь Малороссіи съ изучающими Русь сѣверную. Послѣдніе издавна воспитывались въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ, университетахъ, которые Южная Русь получила позже, опирались и опираются на правительственныя пособія, на ученые общества, занимали и занимаютъ университетскія кафедры на сѣверѣ и югѣ Россіи, имѣютъ органами своихъ трудовъ журналы, сосредоточенные въ Петербургѣ и Москвѣ, которые, хотя и сбываются въ не маломъ количествѣ на югѣ Россіи, однакожь (что, пожалуй, и естественно, — хотя не совсемъ справедливо) имѣютъ въ виду удовлетвореніе интереса ближайшей къ нимъ публики и весьма рѣдко помѣщаютъ статьи по исторіи и этнографіи мало знакомаго имъ юга Россіи. Люди, изучающіе жизнь Малороссіи, были прежде воспитанники духовныхъ заведеній, отстававшіе въ образованіи отъ воспитанниковъ университетовъ, потомъ, если и университетскіе, то не занимая независимыхъ и богатыхъ досугомъ мѣстъ, должны работать для своей спеціальности урывками между другихъ, большею частью постороннихъ дѣлъ, принятыхъ ради приобрѣтенія средствъ къ жизни, — должны издавать свои труды исключительно на собственные средства, — такъ что еще удивительно, что все-таки не мало сдѣлано для исторіи и этнографіи Южной Руси. Только съ сороковыхъ годовъ, благодаря тому, что г. Бодянский сталъ редакторомъ «Чтеній въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей», — началось печатаніе важнѣйшихъ памятниковъ историографіи южно-русской XVII и XVIII в., и въ тоже время политическое положеніе западнаго края побудило правительство помочь ученой

разработкѣ исторіи изданіемъ документовъ ея, которымъ занялась археографическая комиссія въ Кіевѣ, и петербургская. Эти изданія, можно сказать, создали южно-русскаго историка, котораго смѣло можно поставить въ числѣ лучшихъ современныхъ историковъ, Н. И. Костомарова. Во всякомъ же случаѣ даже новые труды гг. Костомарова, Кулиша и др., по исторіи Южной Россіи еще далеко не исчерпали даже того матеріала, который даютъ до сихъ поръ изданные акты и памятники южно-русской исторіографіи XVII и XVIII в. А сколько еще не издано!

Если памятники этой исторіографіи были результатомъ солидарности южно-русскаго казачества и наиболѣе образованнаго въ старой Руси сословія — духовенства, то плодомъ солидарности казачества съ народомъ была богатая народно-историческая поэзія Украины. Г. Прыжовъ говоритъ, что ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ такой богатой исторической поэзіи. Съ этимъ нельзя согласиться: изъ славянъ богаче всѣхъ въ этомъ отношеніи сербы. И это совершенно понятно: общенародная героическая жизнь протянулась у нихъ до самаго XIX в.,—когда наконецъ вниманіе образованнаго общества всей Европы обратилось къ народной поэзіи, а потому сербскій эпосъ записанъ въ такой полнотѣ, какъ ни одинъ изъ славянскихъ. Между тѣмъ южно-русскій историческій эпосъ обратилъ на себя вниманіе записывателей только тогда, когда народно-героическій вѣкъ довольно далеко отодвинулся въ прошлое, а потому мы имѣемъ его далеко не въ полномъ видѣ,—и только по такимъ образчикамъ, какъ думы о Кушеѣ, Хмельницкомъ и др., можемъ гадать, что эпосъ этотъ былъ не меньше, а можетъ быть и больше сербскаго, и можемъ оцѣнить всю потерю, которая была послѣдствіемъ небреженія нашего общества въ Южной Руси съ половины XVIII вѣка. Южно-русскій историческій эпосъ, всецѣлое произведеніе казачества, можетъ всего лучше опровергнуть мнѣніе, что казаки Южной Руси были только разбойники и искатели зипуновъ, элементъ противупобщественный. По странному совпаденію обстоятельствъ въ такомъ взглядѣ на южно-русское казачество сходятся польскіе писатели и наши историки московско-государственнаго направленія. Понятно, что поляки съ трудомъ согласятся смотрѣть иначе на южно-русское казачество. Русскіе историки до тѣхъ поръ будутъ такъ смотрѣть на него, пока не признаютъ въ исторіи Малороссіи нѣкоторыхъ особенностей сравнительно съ исторіей Руси московской. Нѣсколько узковатый взглядъ на казачество, какъ на противупобщественный элементъ имѣетъ еще нѣкоторый смыслъ въ примѣненіи къ казачеству восточному — донско-уральскому, но вовсе не годится для оцѣнки казачества

западнаго, малорусскаго. Казачество восточное имѣетъ значеніе, какъ протестъ противъ крѣпостныхъ порядковъ XVI—XVIII в. и какъ проявленіе русской колонизаціи въ степяхъ. Но въ первомъ случаѣ оно имѣетъ чисто отрицательное значеніе, а во-второмъ слишкомъ мѣстное: казаки донскіе, уральскіе весьма рѣдко отождествлялись съ остальными московскими землями, и если даже поднимали возстаніе крестьянъ въ сосѣднихъ областяхъ, то при Стенькѣ Разинѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что и при Разинѣ и при Пугачевѣ въ возстаніяхъ восточныхъ казаковъ принимали участіе и люди изъ западнаго казачества. Во всякомъ же случаѣ казачество восточное представляло только одинъ слой русскаго народа—низшій; слои же, которые были такъ или иначе, но все же культурные — духовенство и дворянство, не принимали въ нихъ никакого участія. Протестуя противъ существовавшихъ въ Московскомъ государствѣ порядковъ, казаки только инстинктивно чувствовали возможность другихъ порядковъ и, будучи слабы въ культурномъ отношеніи, не могли подняться до сознательныхъ, не только положительныхъ, но и отрицательныхъ началъ. Притомъ же протестовать имъ приходилось противъ правительства единовѣрнаго и единонаціональнаго, т.-е. такого, отвергнуть принципы котораго могли бы только весьма сознательныя головы. Поэтому великорусскій удалъ-добрый молодецъ, до самого Пугачева включительно, путался, когда ждалъ опредѣлить свою роль, какъ видно очень хорошо и изъ народныхъ пѣсней. Такъ одна пѣсня жалуется на воеводу за то, что онъ «воръ-собака заѣдаетъ жалованье», но особенно за то, что мѣшаетъ грабить корабли на Волгѣ; другая жалуется, что казаковъ зовутъ ворами и разбойниками, — и объясняетъ: «мы вѣдь, братцы, не воры, не разбойнички, Стеньки Разина мы работнички», и дальше заявляетъ, что «гуляемъ мы на Волгѣ не первый годъ, воровства и грабительства довольно есть». Отъ этого удалъ-молодецъ по большей части въ концѣ концовъ сознаетъ себя виноватымъ и, или винится передъ царемъ и народомъ на плахѣ, или старается заслужить свои вины передъ государемъ, какъ Ермакъ въ пѣснѣ и дѣйствительности.

Казачество, кромѣ протеста противъ тяжкихъ для народа общественныхъ порядковъ, имѣетъ еще въ русской исторіи значеніе элемента колонизирующаго и защищающаго русскую землю отъ чужеземцевъ. Эту роль исполняло, какъ казачество западное, такъ и восточное; но обстоятельства, при которыхъ дѣйствовала каждая часть казачества, были различны, а потому различны были и формы дѣйствія и нравственный складъ обѣихъ частей дѣйствующаго элемента. На Дону, Волгѣ, Уралѣ и въ Сибири каза-

чество достигло своего полного развитія тогда, когда уже на востокъ Россіи инородческій элементъ былъ въ значительной степени ослабленъ дѣятельностью Московскаго государства, казачество здѣсь не имѣло уже значенія оборонительнаго элемента, а было уже наступательнымъ, особенно на Уралѣ и въ Сибири. Таюю же характеръ имѣли и набѣги донцовъ и яицкихъ казаковъ по Черному и Каспійскому морю, особенно послѣднему: персы никогда вѣдь не угрожали русскимъ. Поэтому война съ невѣрными восточнаго казачества по бѣльшей части носила характеръ добыванія зипуновъ, весьма часто бывшаго чрезвычайно вреднымъ для государства. Въ томъ же случаѣ, когда казачество это служило государству, какъ, напр., въ подчиненіи закавказскихъ инородцевъ, наступательный наплывъ на послѣднихъ, ничѣмъ съ ихъ стороны не вызванный, долженъ былъ развить въ наступателяхъ безчеловѣчно-эгоистическое презрѣніе къ чужакамъ, — быть можетъ, и полезное для государственныхъ цѣлей, но вредное въ нравственномъ отношеніи.

Всѣхъ указанныхъ особенностей были далеко не чужды и казаки западные, малороссійскіе: они тоже далеко не прочь были поискать зипуновъ; да и кто отъ нихъ отказывался въ тѣ времена? кто отказывается и теперь? Но дѣло въ томъ, что рядомъ съ этими чертами въ малорусскомъ казачествѣ были и другія, — и это происходило вовсе не отъ какихъ-либо природныхъ преимуществъ однихъ казаковъ надъ другими, а отъ различія условій, въ которыя каждый были поставлены судьбою. Начавши разбоемъ и протестомъ за свои сословныя права (бунты Наливайки и Косинскаго), малорусскіе казаки поставлены были въ необходимость слить свое дѣло съ дѣломъ всего южно-русскаго народа (Сагайдачный и Богданъ Хмельницкій). Такъ какъ высшее южно-русское дворянство отпало отъ своей народности и вѣры, то казаки остались сильнѣйшими представителями того и другого, приняли въ себя и часть дворянства, оставшуюся вѣрною народности и православію и вступили въ тѣсный союзъ съ литературно-религіозными представителями южно-русской народности. Къ казакамъ присоединился сынъ господаря, человекъ европейскаго образованія, Петръ Могила, и достаточно образованные шляхтичи, какъ Сагайдачный и Хмельницкій, или Даниль Братковскій, авторъ сатирическихъ произведеній на польскомъ языкѣ, казненный шляхетскимъ судомъ за замыселъ возстанія православно-крестьянскаго населенія на правой сторонѣ Днѣпра, совмѣстно съ казаками Палия; южно-русское казачество принимало даже гонимые въ другихъ земляхъ, относительно высокіе культурные элементы, какъ аріане изъ Польши, давшіе

Южной Руси Немирича, вліянію котораго, а также протестанта Верещака, на Выговскаго слѣдуетъ приписать внесеніе такихъ условій въ гадяцкія статьи, какъ основаніе университетовъ и свободы печати; изъ бѣжавшихъ изъ Пруссіи еретиковъ происходилъ Иннокентій Гизель, членъ кіевскаго духовенства, которое такъ тѣсно связывалось съ казачествомъ. Какъ припріятіемъ въ свою среду всей массы южно-русскаго народа казачество малорусское въ свою лучшую пору расширило свои стремленія, такъ припріятіемъ въ себя культурныхъ слоевъ населенія оно достигло сознательности этихъ стремленій. Сознательности ихъ помогало и то обстоятельство, что бороться южно-русскимъ казакамъ пришлось противъ чужого, а не своего государства. Борьба южно-русскихъ казаковъ съ Польшей по всѣмъ этимъ причинамъ не была только протестомъ инстинктовъ, какъ борьба донскихъ и уральскихъ казаковъ противъ Московскаго государства, но борьбою принциповъ.

Также отличны были условія и формы борьбы малорусскихъ казаковъ противъ невѣрныхъ. Крымское ханство существовало до самаго конца XVIII в., не то, что Астраханское и Казанское; оно было силой, наступавшей на русскій народъ,—не то, что инородцы сибирскіе и уральскіе. Въмѣсто далекой и безобидной для Россіи Персіи тутъ была Турція, которая наступала въ самую глубь Южной Руси, и одно время владѣла Каменцемъ. Тутъ, слѣдовательно, была борьба за жизнь или смерть, и при томъ борьба со стороны малорусскаго племени болѣе оборонительная, чѣмъ наступательная, а потому и менѣе противная чувству гуманности. На походы южно-русскихъ казаковъ въ Турцію и Молдавію вовсе нельзя смотрѣть, какъ на стремленіе только добыть зипуновъ, которое ссорило польское государство съ турецкимъ. Польское государство имѣло право быть недоброжелательнымъ тѣмъ, что казаки нападаютъ на Турцію, потому что польскому государству, какъ и московскому до тѣхъ поръ пока оно не завладѣло Малороссіей, не было надобности воевать съ Турціей, достаточно удаленной отъ собственно-польскихъ областей; но казаки малорусскіе, самовольно воюя съ турками, были представителями самостоятельной народной политики, на которую наталкивало Южную Русь ея положеніе. Иванъ Свирговскій, украинскій гетманъ XVI столѣтія, котораго дѣятельность такъ хорошо оцѣнена и рассказана въ монографіи г. Костомарова, Иванъ Свирговскій, затѣявшій совмѣстно съ молдаванами и вождями возстаніе православныхъ христіанъ противъ Турціи, есть народный начинатель восточнаго вопроса на Руси, вопроса, за который государство русское взялось только въ XVIII вѣкѣ. Без-

пристрастный читатель долженъ согласиться, что такая постановка вопроса должна была возбуждать въ народъ и другіи, высшія побужденія, чѣмъ исканіе зипуновъ.

Все сказанное можно было бы обильно подтвердить фактами изъ южно-русской исторіи; но такъ какъ мы имѣемъ въ виду только исторію словесности въ Южной Руси и касаемся политической исторіи только по связи ея съ исторіей литературы, то и подтверждения сказанному приведемъ изъ памятниковъ народной словесности.

Обзоръ послѣдней у г. Прижова, къ сожалѣнію, почти исключительно номенклатурный, хотя, какъ библиографическій указатель, заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности ¹⁾. Имѣя въ виду хотя краткое, но наглядное подтвержденіе высказанныхъ нами мыслей о южно-русскомъ казачествѣ, мы приведемъ вѣскольکو отрывковъ изъ самыхъ историческихъ пѣсенъ и думъ малорусско-казацкаго эпоса. Борьба малорусскаго казачества съ татарами и турками предшествуетъ борьбѣ его съ поляками. Пѣсенъ о нападеніяхъ татаръ и турокъ чрезвычайно много въ южно-русской поэзіи,—причемъ въ Галиціи больше говорится о туркахъ, а въ Украинѣ о татарахъ. Множество пѣсенъ рассказываетъ печальную участь плѣнниковъ русскихъ, уведенныхъ татарами и турками, причемъ инны передаютъ чрезвычайно драматическіе случаи, какъ, напр., плѣнъ сначала дочери, которая становится женою турка, а потомъ матери, которая дѣлается нянькою своего внука («Русалка Днѣстровская» стр. 5, Сборникъ г. Головацкаго въ «Чтеніяхъ» ч. I. 42). Вотъ какъ изображаетъ пѣсня набѣгъ турокъ и плѣненіе женъ и дѣтей южно-русскихъ:

Поле жъ мое, широкое!
Не могла'мъ ты проглянути
Черненькими оченьками;
Теперь е'мъ проходила
Біленькими ноженьками!
Що ся въ полі забіліло,

Ой чи гуси, чи лебеди?

¹⁾ Впрочемъ, указатель г. Прижова заключаетъ нѣкоторыя неточности и пропуски. Въ перечисленіи думъ цикла турецкаго пропущена важная дума о Марусѣ Богуславкѣ; пѣсни о насиліяхъ польскаго рейментара и о насиліи пана Кавіювскаго надъ Бондаривной отнесены къ слишкомъ ранней эпохѣ—до Хмельницкаго, — между тѣмъ, какъ онѣ говорятъ о событіяхъ вѣка XVIII, вѣка гайдамацкаго, а не казацкаго. Тоже слѣдуетъ сказать и о думахъ о Савѣ Чоломѣ. Аллегорическая пѣсня о чайкѣ и ея дѣтяхъ сочинена не Хмельницкимъ, а послѣднимъ кошевымъ Запорожскыи Кальвишемъ. Нельзя не замѣтить, что малорусское ухо обижается несклоненіемъ малорусскихъ именъ; г. Прижовъ пишетъ: дума про Морозенко. Малороссіяне же свои имена на о склоняютъ въ мужескомъ родѣ, ибо о все равно, что *Ъ*.

Теперь гуся не літають,
 Ни лебеди не плавають,
 То татаре полонъ женуть:
 Одинъ полонъ съ жіночками
 Другій полонъ зъ дівочками,
 Третій полонъ зъ діточками,
 Стали кошомъ підъ Яришомъ,
 Та взялися паввати:
 Дівка впала парубкові,
 А тещенька зятенькові.
 Взявъ відъ йїї по при коні,
 По при коні на ремені.
 Ой кінъ біжить дорогою
 Тещу веде тернявою;
 Терня ноги пробиває,
 Кровця сліди заливає,
 Чорный воронъ залитає,
 Тоту кровцю испиває.

Такое обращеніе, конечно, не могло вызвать къ туркамъ и татарамъ сочувственнаго отношенія, а потому старая плѣнница, попавши въ няньки къ своему внуку — обязанная кромѣ того еще прасть и пасти стадо, припѣваетъ такъ:

Люлю, люлю, татарчятко,
 По донечці унчатко!
 Бодай стадо въздыхало,
 Бодай кужель (прядево) спопеліла (сгорѣла)
 Бодай дѣтя скаменіло!

Когда дочь узнаетъ свою мать и говоритъ ей:

Мати моя рідненькая!
 Скидай съ себе свои латы (рубище въ заплатѣхъ),
 Вберай дорогіи шаты!
 Будешъ зъ нами панувати!..

Мать отвѣчаетъ:

Ліши мои вбоги латы
 Ніжъ дороги твои шаты.

Разговоръ дальше оканчивается такими словами:

Мати жъ моя рідненькая!
 Чи схочешъ тутъ панувати
 Чи пойдешъ въ рідні краи?
 — Волю схочу дома бідувати,
 Якъ въ чужині панувати. —

Безъ сомнѣнія, что народъ, сложившій подобный разговоръ, не былъ особенно падокъ на чужіе зипуны.

Еще нагляднѣе рисуеть турецкую неволю дума, изображающая жизнь невольниковъ мужчинъ, которыхъ заставляли работать на ваторгахъ (галерахъ). Вотъ эта характерная дума:

У святу неділю не сызи орли заклекотали
 Якъ то бідны невольники у тяжкій неволі заплакали,
 У гору руки підіймали, кайданами забряжчали;
 Господа Милосерднаго прохали, та благали:
 Подай намъ, Господи, зъ неба дрібенъ дождикъ
 А зъ низу буйный вітеръ!

Хочай бы чи не встала на Чорному морю быстрая хвиля;
 Хочай бы чи не повирывала якоривъ зъ турецкой каторги!
 Да уже ся намъ турецька бусурманьска каторга надоіла:
 Кайданы — залізо ноги повривало

Біле тіло козацьке молодецьке коло жовтои кости пошмугляло (истерю)

Ваша турецькій бусурманьскій,
 Недовірокъ (рenegатъ) христіанскій,
 По ринку вінъ похожае;
 Вінъ самъ добре тее зачувае (слышитъ);

На слуги свои, на турки — янычаре зо зла гукае:

«Кажу я вамъ, турки — янычаре, добре вы дайте (здѣсь старайтесь)
 Изъ ряду до ряду захожайте,

По три пучки тернины и червонои таволги (кустарникъ — spirea)
 набирайте,

Бідного невольника по тричи въ однімъ місці затинайте!»

То ті слуги, турки — янычаре, добре дбали

Изъ ряду до ряду захожали,

По три пучки тернины и червоною таволги у руки набирали

По тричи въ однімъ місці бідного невольника затинали,

Тіло біле козацьке молодецьке коло жовтои кости обвивали

Кровь христіанску неповинно проливали.

Стали бідни невольники на собі кровь христіанску забачати,

Стали землю турецьку, віру бусурманьску власти проклинати:

«Ты, земле турецька, віро бусурманьска,

Ты разлуку христіаньска!

Не одного ты розлучила зъ отцемъ, зъ матерью,

Або брата зъ сестрою,

Або мужа зъ вірною жоною!

Выволь Господи! всіхъ бідныхъ невольниківъ

Зъ тяжкой неволі турецькой

Зъ каторги бусурманьской!

На тихи води

На ясны зори

У край веселый

У міръ хрещеный,

Въ города христіаньски!

Дай Боже міру царьскому

Народу христіаньскому

Славу на многи літа!»

Дума эта, надѣмся, ясно показываеѣтъ мотивы войнъ мало-

русскаго казачества съ турками и татарами и историческое значеніе «рыцарства» Запорожья.

Малорусскія думы описываютъ нѣсколько примѣровъ избавленія христіанскихъ плѣнниковъ отъ такой неволи. Это передаютъ варианты думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, объ уходѣ изъ плѣна Самуила Кушки и о Марусѣ Богуславѣ. Мы остановимся на послѣднихъ двухъ сюжетахъ, потому что они, во-первыхъ отличаются большимъ драматизмомъ, а во-вторыхъ, изображаютъ не только плѣнниковъ, остававшихся твердыми въ христіанствѣ, но и ренегатовъ, поведеніе которыхъ, въ концѣ концовъ, показываетъ, насколько все-таки велика была и въ нихъ сила народнаго чувства и нравственныхъ началъ. Дума о Самуилѣ Кушкѣ начинается описаніемъ выплывавшей изъ Трапезонта галеры «трѣма цвѣтами процвѣтаной, малѣваной». Въ той галерѣ гулялъ Алканъ-паша «трапезанское князя», имѣя съ собой избраннаго люду: семьсотъ турокъ, янычаръ четырехста, да бѣдныхъ невольниковъ триста пятьдесятъ человекъ, не считая старшины войсковой. Между послѣдней выдавался Кушка Самойло, гетманъ запорожскій и ляхъ Бутурлакъ, сотникъ перяславскій. Тотъ былъ тридцать лѣтъ въ неволѣ, двадцать четыре, какъ сталъ на волѣ. —

Потурчився, побусурманився,
Для панства великаго,
Для лакомства несчастнаго,—

и сдѣланъ былъ ключникомъ галерскимъ. Галера ѣдетъ въ Козловъ (Евпаторію), по дорогѣ въ Кафѣ (Феодосію) Алканъ-паша видитъ сонъ, будто турки его порубаны, а самого его Кушка на три части изрубилъ и въ Черное море бросилъ. Ляхъ Бутурлакъ объясняетъ сонъ такъ, что нужно строже слѣдить за плѣнниками и привязываетъ ихъ крѣпче,—какъ въ предыдущей думѣ. Алканъ-паша отправляется въ городъ пировать съ невольстой. Тогда Кушка обратился къ ляху Бутурлаку:

«Ой Ляше-Бутурлаче, брате старесенькій!
Колись и ты бувъ въ такой неволі, якъ мы тепера:

Добро намъ учини
Хочь насъ, старшину, одомкни;

Хвѣ бы и мы у городі побували

Панське весілье добре знали.»

Каже Ляхъ-Бутурлакъ:

«Ой Кушко-Самойло, гетьмане запорожскій,

Батьку козацькій,

Добро ты учини,

Віру христіанську підь ноги підтопчи,

Хрестъ на собі поломни!

Аще будешъ віру христіанську підъ ноги топтати,
 Будешъ у нашого пана молодого за рідного брата пробувати!>
 То скоро Кущка Самойло зачувавъ
 Словами промовлявъ:
 «Ой Ляше-Бутурлаче, сотнику Переясловській,
 Недовірку христіанській!
 Бодай же ты того не дождавъ,
 Щобъ я віру христіанську підъ носі топтавъ!
 Хочъ я буду до смерти біду да неволю приймати,
 А буду въ землі козацькій голову христіанську покладати!
 Вапа віра погана,
 Земля проклята!»

Ренегать бьеть старого товарища по щекѣ и общаесть пуще заковать въ цѣпи, — о чемъ шпіонъ доносить Алкану-пашѣ. Успокоенный паша шлетъ вино своимъ прислужникамъ на галеру. Вино пробудило совѣсть ренегата, сокрушенную тридцатилѣтней тяжкой неволюй:

Ставъ Ляхъ-Бутурлакъ дорогіи напитки пити-пілпивати;
 Стали умысли козацьку голову влюшника розбивати:
 «Господи! естъ у мене, що испити и исходити,
 Тилько ні-съ-кімъ объ вірі христіанській розговорити...»

Ляхъ-Бутурлакъ починаесть угощати Кущку, но Кущка не пьеть, а выливаесть, ренегать же влюшникъ пьеть, пока не сваливается. Кущка отмыкаесть замки у плѣнныхъ товарищей, и послѣ разныхъ приключеній, съ помощію и самого очнувшася Бутурлака, приводитъ галеру въ Лиманъ Днѣпра-Славути съ великой добычей. Добычу эту дѣлять бывшіе плѣнники между собою и казаками запорожскими, причесть третью часть золота и серебра. —

.....брали, на церкви накладали
 На Святого Межигорського Спаса,
 На Трехтемировській монастырь,
 На Святу Січовую Покровъ давали, —
 Которы давнимъ козацькимъ скарбомъ будували,
 Щобъ за ихъ, встаючи и лягаючи,...
 Милосерднаго Бога благали.

Дума оканчивается такими словами:

Правда, панове, полягла
 Кущки Самойла голова,
 Въ Києві-Каневі монастырі ¹⁾.
 Слава не умре, не поляже!
 Буде слава славна

¹⁾ Въ Каневскомъ монастырь погребены были три героя запорожские: Подков, Жакъ и Кущка. Монастыря этого теперь нѣтъ; на мѣстѣ его стоитъ высокой холмъ, подъ которымъ погребены Тарасъ Шевченко.

По-міжъ козаками
 По-міжъ друзьями
 По-міжъ рыцарями,
 По-міжъ добрыми молодцями.
 Утверди, Боже! люду царського
 Війска запорожського
 Донського
 Съ сієго чернью Дніпровою
 Низовою
 На многія літа
 До конца віка! ¹⁾

Дума о Марусѣ Богуславкѣ начинается описаніемъ темницы на берегу Чернаго моря. Въ этой темницѣ сидятъ семьсотъ невольниковъ, которые уже тридцать лѣтъ не видятъ «солнца праведнаго». Къ нимъ приходитъ «дівка бранка» (плѣнница), Маруся, попівна Богуславка и спрашиваетъ, знаютъ-ли они, какой теперь день въ «нашій» землѣ христіанской. Плѣнники за-
 были счетъ дней.

«Ой козаки,—говорить Маруся,—
 Вы бідні невольники!
 Що сегодня у нашій землі христіанській Великодная субота,
 А завтра Святий празникъ, роковий день Великъ день».
 То тоді ти козаки тее зачували
 Білимъ лицемъ до сирой землі припадали,
 Дівку бранку
 Марусу, попівну Богуславку
 Кляли проклинали:
 Та бодай ты, дівко бранко,
 Марусю, попівно Богуславко,—
 Щастя и долі собі не мала,
 Якъ ты намъ святий празникъ, роковий день Воликъ-день сказала!»

Маруся просить не проклинать ее и обѣщаетъ выпустить казаковъ, когда выѣдетъ паша въ мечеть, а ей оставитъ ключи. Выпуская казаковъ, Богуславка говоритъ:

«Ой козаки,
 Бідні невольники!
 Кажу я вамъ добре дбайте,
 Въ города христіанські утікайте;
 Тільки прошу я васъ, одного города Богуслава не минайте,
 Моему батьбу и матері знати давайте:
 Та нехай мій батько добре дбае,
 Грунтівъ, великихъ маєтківъ нехай не збуае,
 Великихъ скарбівъ нехай не збірае,
 Та нехай мене, дівки бранки,
 Марусі, попівни Богуславки

¹⁾ Сборникъ украинскихъ пѣсень, изд. М. Максимовича, I, 1849. стр. 81—48.

Зъ невои не выкупае;
 Бо вже я потурчилась, побусурманилась,
 Для роскоші турецкої
 Для лакомотва нещастнаго!> ¹⁾

Думы, изъ которыхъ мы только-что привели отрывки, кажутся намъ, доказываютъ, что въ борьбѣ казачества южно-русскаго съ турками были и другіе мотивы, кромѣ стремленія къ поживѣ, что жизнь тогдашней южной Руси производила типы, которые не могутъ не возбуждать сочувствія и нынѣшняго челоука.

Другой цѣль поэтическихъ сказаній южно-русскихъ породень борбю казаконъ съ поляками и жидами. Думы этого цѣкла не забываютъ тоже похвалиться добычей—такъ одна дума оканчивается слѣдующими словами:

Тогдѣ-то не одинъ козакъ за пана гетьмана Хмельницкаго Бога просивъ
 Що не одинъ жидовскій жупанъ зносивъ.

Но дѣло въ томъ, что здѣсь, какъ и въ думахъ перваго цѣкла, дума не ограничивается одною добычей, а указываетъ на другія, болѣе крупныя причины борбьи народа южно-русскаго съ поляками и жидами. Такъ одна дума начинается разсказъ свой о борбѣ Хмельницкаго съ поляками слѣдующимъ образомъ:

Ой чи добре панъ Хмельницкій починавъ
 Якъ изъ Берестецького року

Всѣхъ ляхонъ-панѣвъ на Украину на чотырі місяци высылавъ,
 И вслѣвъ панамъ-ляхамъ на Украинѣ чотырі місяци стояти,
 А ні козаку, ни мужику жадноі (никакой) кривды починати.

То ще жъ то ляхи, мостивы паны, по козакахъ и по мужикахъ ставшею
 постави,

Одъ козацкихъ, одъ мужицкихъ воморъ стали ключи одбирати
 Да стали надъ нихъ домами господарями:

Хозяина на конюшню одсылае

А самъ изъ його жоною на подушкахъ починае.

То козакъ, альбо мужикъ изъ конюшни прихожае

У квартиру ²⁾ поглядае,

Ажъ ляхъ, мостивый панъ ище изъ його жоною на подушкахъ
 опочивае.

То вінъ одинъ осьмакъ у карманѣ мае,

Пійде зъ тоски, та зъ печалѣ у корчму тай той прогуляе.

То ляхъ, мостивый панъ, одъ сна уставае,

Кулицею иде,

Якъ свиня, ухомъ веде.

¹⁾ Кулиша, Записки о Юж. Руси, I.

²⁾ Квартирка называется небольшое окошечко въ задней стѣнѣ украинской хаты.

То ляхъ до корчмы прихожае,
Якъ свиня, ухо до корчмы прикладае.

Ище слушае, прослухае

Що козакъ, альбо мужикъ про ляхівъ размовляє.

То ляхъ у корчму убігае и козака за чубъ хватае.

То козакъ козацькій звычай знае,

То будто до ляха медомъ и оковитою (аqua vitae) горілкою припивае

А тутъ ляха за чубъ хватае,

И склянницею межі очі шмагае

И келепомъ ¹⁾ по ребрамъ торкае

Ище зъ тиха словами промовляє:

«Эй ляхи жъ вы ляхи,

Мостивні паны!

Хотя жъ вы одъ насъ ключі поодбірали,

И стали надъ нашими домами господарями,...

Хотя бъ вы на нашу кумпанію не находжали».

Другая дума рисуесть «лядскую неволю» вмѣстѣ съ «жидовскою».

Якъ одъ Кувішцины (возстаніе 1637—1638 г.) да до Хмельнищинь

Якъ одъ Хмельнищини... да й до свого жъ то дня,

Якъ у землі кравевьскій да добра не було:

Якъ жиды-рандарі

Всі шляхи козацькі заарандовали,

Що на одной мылі

Да по три шинки становили,

Становили шинки по доливахъ,

Зводили щогли (шесты) по високихъ могилахъ.

Ище жъ то жиди рандарі

У тому не перестали:

На славній Україні всі козацькі торги заарандовали

Да брали мито-промито:

Одъ возового

По півъ золотого,

Одъ пішого пшениці по три денежки мита брали,

Одъ неборака-старця

Брали куры да яйця

Да ище питае:

«Ци нема, котикъ, сце цого?»

Ище жъ то жиди рандарі

У тому не перестали:

На славній Україні всі козацькі церкви заарандовали.

Которому бъ то козаку, альбо мужику давъ Богъ дитину появити,

То нейди до пона благословитьця,

Да иди до жида рандаря, да положъ шостака, щобъ позволилъ церкву
одчинити,

Тую дитину охрестити.

Ище жъ то которому бъ то козаку, альбо мужику давъ Богъ дитину
одружити,

¹⁾ Палеа съ молоткомъ.

То не йди до попа благословитья,
 Да пойдн до жида-рандаря, да положь битнй таларь, щобъ позволивъ
 церкву одчинити,

Тую дитину одружити.

Ище-жь то жида-рандарі

У тому не перестали:

На славній Украині всі козацькі ріки заарандовали.

Который бы то козакъ, альбо мужикъ всхотивъ риби вловити,

Жінку свою зъ дітьми покормити,

То не йди до пана благословитья

Да пійди до жида-рандаря да поступи йому часть оддати

Щобъ позволивъ на річці риби вловити

Жінку свою зъ дітьми покормити.

Вслѣдъ за описаніемъ подобной неволи украинскаго казака, или мужика, обѣ думы заключаютъ почти одинаково слѣдующія слова:

Тогді жъ то язь у святий день божественный у восторникъ

Гетьманъ Хмельницкій козаківъ до сходу сонця у походъ виправилъ,

И стиха словами промовлявъ:

«Эй козаки вы, діти, друзі!

Прошу васъ, добре дбайте,

Одъ сна вставайте,

Руській *оченашъ* читайте

На славну Украину прибувайте,

Жидівъ - рандарівъ (или ляхівъ, мостивыхъ панівъ) у пень (до
 корня) рубайте,

Кровь ихъ у полі зъ жовтимъ піскомъ мішайте,

Віры своєї христіанської у поругу не подайте.

Кажется, что эти отрывки подтверждаютъ сказанное выше о достаточности оснований и сознательности возстаній казацкихъ противъ польскаго панства и порядковъ XVII вѣка. Расканія и уступки со стороны возставшихъ тутъ и быть не могло. И это ясное сознание права своего на свой трудъ,—волю и землю, и сознание права своего низвергать то, что ихъ отнимаетъ, ни на минуту не покидало украинскаго народа. Ляха украинець ненавидѣлъ всегда, но не какъ челоуѣка чужой націи, даже не какъ челоуѣка чужой вѣры, а какъ лицо, съ которымъ связывается понятие о заѣданіи чужого труда, о насиліи и развращеніи его жены и дочери. «Тікай, ляше, говоритъ одна украинская пословица, бо все, що на тобі, то наше!» И потому-то украинець пользуется всякимъ случаемъ выгнать «ляшевівъ-панківъ геть ажъ за Вислу». Не удалось это сдѣлать казакамъ въ XVII вѣкѣ, пробовали сдѣлать это гайдамаки въ XVIII вѣкѣ,—когда, по словамъ пѣсни, даже отрубленная голова одного изъ гайдамакъ, на укоры: «Было бъ тебѣ ляшевівъ-панківъ—не бить,»—отвѣчаетъ:

«А я того, вражі ляхи, та и не забуду,
Якъ и била, ляшківъ-панківъ, такъ и бити буду».

Насколько тяжелый гнетъ крѣпостного права, освященнаго силою русскаго государства, которой не доставало польскому для охраненія господства пановъ надъ народомъ, не смогъ все-таки переломить свободолюбивое упрямство малоросса, свидѣтельствуютъ даже пѣсни «крепація» и рекрутскія. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ одной изъ нихъ, а другую, которая не была напечатана до сихъ поръ,—всю.

Батькамъ було добре
На Вбранні жити,
А сынамъ досталось
Панщину робити.

Далѣе жалуются вѣтеръ, у котораго орелъ спрашиваетъ, не видѣлъ ли онъ казацкой славы.

А вотъ рекрутская пѣсня, въ которой прекрасная форма старой украинской пѣсни уже попорчена, но еще остался старый духъ протеста:

Прийшла карта до двора, до двора,
Що рекрутовъ братъ пора.
Прийшовъ соцькій, прийшовъ вийтъ,
Прийшовъ вийтъ, а изъ хати та на тѣтъ.
Я изъ хати та на тѣтъ, тай на тѣтъ,
Тамъ сховався въ житній стѣтъ.
А въ стогові та найшли, на найшли,
Назадъ руки звязали,
Назадъ руки звязали, звязали
Та въ присутствіе повели;
Та въ присутствіе повели, повели,
Та підъ міру підвели.
Хлопъ до міры не доставъ, не доставъ,
Панокъ грішми підсипавъ;
Панокъ грішми підсипавъ, підсипавъ,—
Хлопъ на віки та пропавъ.
Літъ за двадцать я вернувся, я вернувся,—
Ні до кого пригорнутьсь:
Жінка зъ журбы померла, померла
Дочку взяли до двора,
Моѳо Гриця тай били, тай били
Та на віки забили.

XIX-ый вѣкъ не представлялъ условій благоприятныхъ для поднятія тѣхъ гражданскихъ войнъ, какія поднимались въ XVII и XVIII вѣкахъ въ области южно-русскаго племени. Но старый казацкій духъ не разъ повушался прорваться въ мѣстныхъ кре-

стьянскихъ возстаніяхъ, которыя, если представлялся удобный случай, угрожали охватить обширный край. Такихъ удобныхъ случаевъ было въ недавнее время по одному на галицко-угорскихъ русиновъ и на народъ нашего юго-западнаго края. 1846—48 гг. въ Австріи были временемъ венгерско-польскаго движенія. Народъ южно-русскій, подвластный венгерскимъ и польскимъ павамъ, не поддержалъ ихъ и даже высказался прямо за цезаря, котораго правительство, угадавъ стремленія народа, поспѣшило издать нѣсколько полезныхъ для него мѣръ. Двѣ пѣсни гуцуловъ (русскіе горцы въ Карпатахъ), напечатанныя въ сборникѣ г. Головацкаго, въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» (1864, IV), отлично характеризуютъ отношенія тамошняго народа къ полякамъ и венграмъ съ одной стороны и къ правительству съ другой. Поляки и венгры, видно изъ пѣсни, побивали народъ къ возстапію, указывая на самое тяжелое для народа бремя государственной жизни: наборы. Но, какъ говорить одна галицкая коломійка:

Ой волю я, пане брате, Цісарю служити,
Ніжъ я маю вражимъ ляхамъ панщину робити!—

что и не удивительно, при австрійскомъ короткомъ срокѣ солдатской службы, а потому масса не поддавалась революціонной пропагандѣ и сочла для себя болѣе выгоднымъ поддержать «Цісаря». Вотъ пѣликомъ другая гуцульская пѣсня, которая представляетъ одинъ изъ новѣйшихъ памятниковъ русскаго народнаго творчества въ родѣ исторической пѣсни. Кстати читатель можетъ видѣть образчикъ языка однихъ изъ ближайшихъ нашихъ родичей между австрійскими славянами:

А Господи Милосердний!
Есть мы бѣдовали,
А поки мы та панщину
Кажко відбували.
Слава Богу, же намъ гораздъ
Теперь сесі літа,
Аже бы нашъ Цісарь здоровъ,
Та й живъ многі літа.
Бога просимъ за Цісаре,
Ше честь, ше години,
Намъ панщину подарувавъ,
Абыхъ не робили.
Бога просимъ за Цісаре
Сараки (сѣрые) Русаки;
На Цісаре нагнівань се
Венгеръ та Поляки.
Ай бо Венгеръ, та й Поляки

Біду наробили
Тільки було въ царє земли,
Усю сколотили (возмутили),
Ой Підгірє спудилоє (испугалось)
Ше Венгеръ женесе,—
Бога просимъ за Цісаре,
Цісарь не даесе.
Ой Підгірє спудилоє,
Ше нась Венгръ зітне,
Бога просимъ за Цісаре
Чей се Цісарь зіпре.
Спудила се уся Польша,
Польша та й Иршава,—
Та бо чей нась поратує
Сила Москалева.
Венгръ Руса не боевє
Не мавъ тоі дїйми

Бо вінъ не чуюъ, ше иде Москаль
 Вороними кінями.
 Того войска не богато,
 Лишь три миліоны.
 А екъ ввійшли въ Венгершину
 Стали на загоны
 А лишь тільки Московскаго
 Венгеръ війска збачивъ,
 Якъ загуливъ въ загороду
 Окропомъ опаривъ.
 То бо Москаль поправивсе

Заложивъ каноны (пушки)
 Отъ такъ убивъ Венгершину
 Господи бороны!
 Отъ такъ убивъ того Венгра
 Ше лишь ставъ, екъ курка,
 Вхонивъ собі толпу войска,
 Та й утікъ підъ Турка.
 А газетъе не читаемъ
 Нихто то не чуюе
 Але чи го видевъ Турокъ.
 Чи вінъ тамъ газдуе (хозяиничаетъ).

Этотъ «мотивированный цезаризмъ» составляетъ въ послѣднее время самую характеристическую черту русскаго простонародья въ Галиціи. Австрійское правительство пользуется имъ, хотя, конечно, вполне послѣдовательно не идетъ въ ту сторону, куда желаетъ народъ; правительство принимаетъ этотъ мотивированный, условный цезаризмъ за безусловный и думаетъ, что, сдержавъ подогрѣваніями его революціонное направленіе поляковъ или венгровъ, оно можетъ успокоиться и даже попустить имъ слегка возжи, разсчитывая опять, при надобности, поднять народный цезаризмъ. Опыты нѣсколько разъ удавались послѣ 1846 года, и теперь въ Венгріи русины предоставлены на волю венгровъ. Но весьма можетъ статься, что правительство цезаря ошибется въ расчетѣ, особенно, когда, становясь парламентарнымъ, оно окончательно станетъ и аристократическимъ для Венгріи и Галиціи. Тогда народъ увидитъ и то, что цезарское правительство не исполняетъ условій, которыя, положимъ, никогда не были юридически скрѣплены между народомъ русскимъ и цезаремъ, но которыя народъ тѣмъ не менѣе въ душѣ своей весьма сознательно считалъ заключенными; народъ увидитъ, что и въ правительствѣ уже нѣтъ цезаря, — а остался только «Венгръ та Поляки». Что онъ предприметъ? Подавятъ ли народъ или онъ восторжествуетъ? Если случится послѣднее, — то кто унаслѣдуетъ австрійскому цезарю? Во всякомъ случаѣ, судя по пѣснямъ, народъ русскій въ Австріи глубоко и сознательно недоволенъ соціальнымъ порядкомъ, — и русскія провинціи этой имперіи стоятъ на вулканѣ.

Отношенія южно-русскаго народа къ послѣднему польскому возстанію въ юго-западномъ краѣ весьма напоминаютъ отношенія другой части его къ революціи польской и венгерской 1846—1849 г. Что дѣлалось и, особенно, что думалось по селамъ и хуторамъ юго-западнаго края между 1861 — 1864 г., до сихъ поръ подробно неизвѣстно, но и теперь уже можно сказать смѣло, что предоставленный самъ себѣ народъ въ юго-западномъ

край покончилъ бы круче и радикальнѣе, и конечно жесточе съ польскимъ возстаніемъ и съ обрусеніемъ края. Настроеніе народа противъ поляковъ настолькоъ сильно, что его замѣтила еще администрація сороковыхъ годовъ, которая, какъ извѣстно, не очень-то обращала вниманіе на массы народа. Результатомъ этого вниманія къ народно-политическимъ отношеніямъ юго-западнаго края было составленіе инвентарныхъ правилъ, которому не упустилъ народъ посвятить и свои пѣсни. Двѣ изъ нихъ напечатаны, и такъ какъ онѣ помѣщены въ малораспространенномъ провинціальномъ изданіи, то мы приведемъ ихъ вполнѣ.

Вотъ пѣсня, рисующая панцину и прославляющая генералъ-губернатора Дмитрія Бибикова, превращеннаго народомъ въ Никиту:

Вставай, вставай, громадонько,
Вставай, не лянуйся.
Та піідемо до церкви
Богу помолимся.
Помолимось йому широ (горячо),
Якъ за батька діти,
Щобъ давъ шаста й долю добру
Панові Микиті.
А панъ той нашъ губернаторъ,
Вінъ насъ слобоняе,
Отъ проклятихъ панівъ-ляхівъ
Добре бороняе.
Слава тобі, генерале,
Въ віки вічні одъ насъ;

Памітувать и дяковать (благодарить)
Будемо по всякъ часъ.
Було перше мы дякуемо
Въ пана на роботи,—
Спочивку не знаемо,—
Робимо голоти (голымъ панамъ).
А теперъ ты зупинивъ їхъ
Цими *йвантарами*.
Наляковъ їхо. Може й буде
Правда и міжъ нами.
Слава тобі, генерале,
Ты нашъ славный тату!
Може теперъ веселійші
Ввійдемъ въ свою хату.

А вотъ другая пѣсня, изображающая, что̀ сталося съ инвентарями:

Губернаторъ нашъ Бибиковъ,
Давъ намъ явватарі,—
Щобъ робити панамъ пять (?) день
Изъ кожної пары,—
По три копы зъ чоловіка,
А дві копі зъ жінки,
Щобы жали въ тиждень (недѣля)
літомъ

Панові въ відрѣбки.
Зразу добре родилися,
Зполнили Явватарі,—
А тамъ стали шкуры дерты,
Якъ и спершу дерли,
Цілий тиждень верзувати,
Якъ и верзували,
А въ неділю равесенью

До выпису гнаты.
Атаманы зъ батогами,
Зъ нагаемъ гуменный,
На роботу цілий тиждень,—
Гонять мовъ скаженихъ (объшенихъ)
Провднівъ явватарі
Твои, генерале,
У кухверки поховали (спрятали)
Чортові невірні!
Становін, що читали
Явватарі тїи,
Подружилось зъ ляками,
Мовъ брати рідніі.
Вкупі бьють насъ,
Вкупі й одберають

І до тебе, генерале,
 Ъ листомъ не пускають...
 Ый не дай насъ, генерале,
 Ъяжко забиждати,—
 Ъвою долю сірїтскую,

Гірко проклинати.
 Не дай же имъ, генерале,
 Насъ поневірати (обманывать),—
 Ъо будемо й тебе, добрий,
 Й тебе проклинати! ¹⁾

Ъдвали мы очень ошибемся, если скажемъ, что эта пѣсня, наравнѣ съ другими, приведенными здѣсь, принадлежитъ къ числу характернѣйшихъ образцовъ обличительной поэзіи послѣднихъ временъ. А вѣдь онѣ сложены неграмотнымъ народомъ.

Между 1861—1863 г., когда волновались поляки и приготавливали послѣднее возстаніе и въ то же время ихъ мировые посредники отрѣзывали у крестьянъ поземельные участки и вводили выкупные договоры по «добровольному» соглашенію съ частіемъ войскъ,—приготавлился къ чему-то и народъ. Поляки что-то чуяли, чего-то боялись, приписывали враждебное настроеніе народа пропагандѣ украинфиловъ, на которыхъ и старались направить преслѣдованія правительства,—то силились сами овладѣть народомъ, пріодѣвшись украинфилами. Нашему обществу смутно извѣстна эта темная исторія, о которой еще не пришло время говорить съ полнотою и безпристрастіемъ историка, для которой нѣтъ почти обнародованныхъ матеріаловъ. Настроеніе народа 1861—63 г. и его отношеніе къ польскому возстанію характернѣе всего рисуется нѣсколькими пѣснями объ отчужденіи крѣпостного права и одной пѣсней о самомъ повстаніи, которая напечатана въ «Кіевлянинѣ». Одна изъ этихъ пѣсенъ такъ рисуетъ положеніе крестьянъ при крѣпостномъ правѣ:

Ый не треба гірше
 (къ це мы зазвали
 Ыт тыхъ панывъ ляхивъ
 Ыха скуштовали!
 Гучили насъ; тай валяли
 (и ляхц завзяты,
 адюками называли.
 Іехъ вони прокляты!
 Ъ паномъ мужикъ, якъ стривется
 о до земли выско гнется,
 о мусилы такъ роботы

Колы хотили ще жыты.
 Колысь были, катували
 Посторонками вязали.
 А панъ ляхъ ще сміється
 Люльку курить, тай дерється:
 «Бийте моцній мужика,
 Нехай знае *psia jucha*,
 Що панъ стоить уваженя,
 И нема тутъ извиненя,
 Нехай шапку здиймає.
 Не хтївъ — въ шкуру достає!»

Другая пѣсня изображаетъ отлетъ панщины и безпомощность

¹⁾ См. «Югозападный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе» (1838—1863). В. Гульгина; отд. оттискъ изъ «Кіевлянина». Кстати,—отчего такъ мало распространена она во многихъ отношеніяхъ любопытная брошюра, тогда какъ плохія творенія вѣнскихъ историковъ переводятся даже на французскій языкъ?

пановъ и отношеніе крестьянъ къ тому, отъ воого пришло имъ освобожденіе:

Ой летіла зозуленька поверхъ горы, села, —
 Чогось наша громадонька смутна, не весела.
 Сіла соби на заборі, тай стала куваты:
 «Збйрайтесь громадонька, щось маю казаты!»
 Наихали становныи, стали говорыты:
 «Не будете, люды добры, панщины робыты!»
 Наихали мировныи, тай стали казаты:
 «Не будете предъ панамы шапокъ здыйматы!»
 Ой летіла дика качка, сіла въ очереті,
 Утікала панщинонька въ темны пущи, нетри;
 Не сама жъ вона утікала, громадонька гвала!
 Якъ загнала въ пущи, нетри, тамъ вона пропала.
 Ой летіла птыця пава, середъ села впала,
 А въ місяці февралі панщина пропала;
 А два паны, а два паны, а два атаманы
 Висемнадцатъ лановыхъ, а еденъ підданны.
 Ажъ виходить стара пани на затынни двери:
 «Вернысь, вернысь панщинонько хоча до вечери!»
 — Не вернуся, не вернуся, я вамъ була вірна
 Не вмію мене шановаты, я съ того не винна! —
 А въ нашого оконома вагай за плечима
 За ковниромъ купа вошей съ чорными очима ¹⁾.
 Збираются комысари на тихее озерце
 Чимъ бы мужика пиняты? Щобъ виняли серце!
 Якъ вони тамъ зибрались, стали говорыты:
 «Що мы будемъ, «panie bracie», тепера робыты?»
 «Во не вміемъ мы косыты, наши жинки жаты,
 «А нема вже намъ кому панщину отбуваты,
 «Що не вміемъ молотыты, наши жинки прясты,
 «Хиба пидемо на шляхи учытыся врасыты!»
 Подякуймо бо мы Богу, да своему цареви,
 Що вінъ зробывъ добродійство въ своему краеви,
 Подякуймо мы цареви и своей царыці .
 Во не ходять на панщину наши молодыці,
 Подякуймо мы цариці, ще своей царевні,
 Що вона насъ поривняла съ ляхами нарывні!

Понятно, что при такомъ образѣ мыслей народъ не могъ отнестись сочувственно къ новому возстанію въ 1863 г. Одна пѣсня изображаетъ повстаніе, какъ одинъ изъ выходовъ, который придумала себѣ шляхта, лишившись крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые шляхтичи думали поправить свои обстоятельства, въ случаѣ успѣха повстанія:

¹⁾ Намекъ на другую пѣсню, въ которой изображается процвѣтаніе крѣпостного права: тамъ на экономі «червоная шанка» и «шовкови онучи», — теперь же осталса отъ старой роскоши только «вагай», которымъ некого бить.

Еденъ програвъ добры коні
 Другій продавъ сани нові
 А остатній догадався
 За шильгину—въ лісь сковався!
 А мы ихъ цыпаны гвалы
 Посторонками вязали;
 Колысь паны кровь зъ насъ пили
 За тежъ мы ихъ віддячили!
 Панованье намъ вбицали
 Золотую (грамоту) намъ читали;
 Власне панство ихъ въ Сибирі
 Ой широко! Нема міри.

Наконецъ, слѣдующая пѣсня, рассказывающая объ одной изъ крупнѣйшихъ стычекъ во время повстанія въ 1863 г. въ юго-западномъ краѣ въ селѣ Соловьевѣ, Радомисльскаго уѣзда, представляетъ отношеніе крестьянъ и пановъ-повстанцевъ во всей ихъ жестокой реальности:

Шли поляки на войну
 За свою рідну ойчизну:
 «Або намъ Польшу одбыты,
 Або на світі не жыты».
 Тамъ ихъ несчастья спіткало,—
 Выйшло мужицтва не мало
 Стали поляківъ спыняты,—
 Стали поляки казаты:
 «Вы люде добрі, не быйте насъ;
 Мы васъ одзволымъ отъ біды,
 Тілько не робіть намъ шкгоды».
 Такъ збиралася громада,
 Була межъ ними порада:
 «Нумъ мы поляківъ, нумъ быты,
 Бо вже намъ зъ ними не жыты!»
 Забрали булавкы въ руки,
 Предали смерти ще й муки:
 Свердлами груди вертіли
 Гроші забрали — лічыли (считали).

Пѣсня, какъ видно, находитъ даже естественнымъ со стороны поляковъ возстаніе, пазываетъ ихъ поражение «несчастьемъ», передаетъ вполнѣ сознательно предложенія отъ инсургентовъ, не скрываетъ жестокостей и грабежа крестьянъ,—но передаетъ главный мотивъ жестокости: «намъ зъ поляками не жыты...»

Такое ясное сознаніе народа дѣлало *обязательнымъ* обязательный выкупъ крестьянскихъ земель и тѣ мѣры, которыя приняты были въ юго-западномъ краѣ по крестьянскому вопросу съ 1863 г. Положили ли они хоть начало мирному сожительству

народа съ «ляхами»? Покончили ли они тотъ великій національно-соціальный вопросъ, который народъ считалъ открытымъ въ теченіи трехсотъ лѣтъ, и за рѣшеніе котораго онъ то кроваво, то мирно принимался столько разъ? На это отвѣтитъ будущее.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили въ главныхъ чертахъ ходъ литературнаго малорусскаго творчества отъ временъ варяжскихъ до послѣднихъ дней. Какой же характеръ оно носить, гдѣ его идеи? Чѣмъ проявилась *Малороссія въ ея исторіи словесности*? Намъ кажется, вотъ въ чемъ: во времена великовняжескія народъ южно-русскій, или по крайности высшіе его слои, былъ, разумѣется, движимъ военнымъ духомъ и желаніемъ добычи, — но это военное настроеніе рано приняло характеръ земской защиты («Завѣщаніе Мономаха» и «Слово о полку Игореве»); во всякомъ же случаѣ вѣкъ героическій на югѣ Руси представилъ грандіозные образы воиновъ, въ которыхъ непосредственная дикость военная скрашена тѣмъ эстетическимъ колоритомъ героизма, который является всегда, когда военныя движенія народа получаютъ и другую цѣль, кромѣ добычи, напр. защиту слабаго (смерда, у Владиміра Мономаха), войну за вѣру, наконецъ славолюбіе. Этотъ же героическій эстетизмъ поднимаетъ на югѣ Россіи, какъ и вездѣ, положеніе женщины, по крайней мѣрѣ хотъ исключительныхъ женщинъ. Образы героевъ, которыхъ «слава не умре, не поляже», ихъ «милыхъ» мелькаютъ передъ нами и въ приведенныхъ волядѣяхъ и особенно въ «Словѣ о полку Игореве», — и остаются навсегда отличительною принадлежностью украинской поэзіи и жизни. Съ XVI в., кромѣ земской и національной защиты, которой посвящена казацкая поэзія и исторіографія, — въ южно-русской жизни и литературѣ сильно проявляется стремленіе къ просвѣщенію съ довольно сильнымъ стремленіемъ къ свободѣ и разнообразію личнаго мышленія. Съ конца XVII и въ XVIII в. видно стремленіе къ самосознанію въ исторіографіи и въ попыткахъ того реально-сатирическаго отношенія къ жизни, которое могущественно повлияло и на великорусскую цивилизацію чрезъ Гоголя. Исторіографія южно-руссовъ съ XVII и XVIII в., въ особенности «Исторія Руссовъ», пыталась вмѣстѣ съ тѣмъ провести извѣстныя начала самоуправленія, а народъ своей исторіей показалъ, что онъ готовъ на все ради полученія свободы личной, въ своей же поэзіи пока-

заль, что онъ вполнѣ сознательно боролся за эту свободу. Почти на всѣхъ пунктахъ книжной литературы въ Южной Руси XVIII-й вѣкъ представляетъ какой-то обрывъ. Въ религиозномъ же движеніи въ сторону протестантизма и религіознаго разнообразія, мы видимъ обрывъ его въ XVII вѣкѣ, и только въ народной поэзіи тянется нѣчто непрерывное—это стремленіе къ соціальной свободѣ и протестъ противъ рабства, оттого, начавъ рѣчь о южно-русскихъ думяхъ временъ казацкихъ, мы не могли остановить ее на цвѣтущихъ временахъ этихъ думъ и должны были дойти до пѣсенъ о венгерскомъ и польскомъ возстаніяхъ 1848—63 годовъ. Несмотря на меньшее совершенство формы, эти послѣднія произведенія ясно показываютъ, что народное творчество не оскудѣло окончательно, — что народная мысль внизу сохранила еще до сихъ поръ свои характеристическія черты и основное направленіе. Какъ же великъ перерывъ, совершившійся въ исторіи южно-русской мысли и слова въ XVII и XVIII в. вверху общества? Былъ ли онъ или есть окончательно? Или и здѣсь продолжалось въ извѣстномъ направленіи народное творчество и здѣсь оно создало что-нибудь, хоть сколько-нибудь прочное, сколько-нибудь пригодное для нравственнаго капитала русскаго общества? Но отвѣтъ на это выходитъ изъ предѣла задачи настоящей статьи.

П. Т — евѣ.

